

18+

В МИРЕ
ПРОДАНО
БОЛЕЕ
36 000 000
КНИГ
Ю НЕСБЁ

СЫН

Ю НЕСБЁ

ПОИСТИНЕ ГРАНДИОЗНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ.

Independent

Звезды мирового детектива

Ю Несбё

Сын

«Азбука-Аттикус»

2014

УДК 821.135.5-312
ББК 84(4Нор)-44

Несбё Ю.

Сын / Ю. Несбё — «Азбука-Аттикус», 2014 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-09017-0

Этому заключенному, в общем-то, нечего терять. Проведя почти полжизни в тюрьме, Сонни Лофтхус даже согласен взять на себя чужое преступление. Какая разница, где влачить жалкое существование осужденному за убийство наркоману! Однако все мгновенно меняется, когда Сонни узнает правду о смерти своего отца, которого он долгие годы считал коррумпированным полицейским, покончившим с собой из-за угрызений совести. Теперь его жизнью управляет одно желание – отомстить всем тем, кто погубил его семью. Совершив блестящий побег из тюрьмы, Сонни начинает действовать, все ближе подбираясь к главному виновнику всех его несчастий – загадочному криминальному авторитету по прозвищу Близнец... Подробный гид по творчеству Ю Несбё читайте в ЛитРес: Журнале

УДК 821.135.5-312
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-389-09017-0

© Несбё Ю., 2014
© Азбука-Аттикус, 2014

Содержание

Часть I	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	33
Глава 8	35
Глава 9	39
Глава 10	44
Глава 11	52
Часть II	56
Глава 12	57
Глава 13	64
Глава 14	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Ю Несбё Сын

Jo Nesbø
SØNNEN

Copyright © Jo Nesbø 2014
All rights reserved
Published by agreement with Salomonsson Agency

Серия «Звезды мирового детектива»

© Е. Лавринайтис, перевод, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Оттуда придет судить живых и мертвых.
Катехизис*

Часть I

Глава 1

Ровер уперся взглядом в покрытый белой краской каменный пол одиннадцатиметровой тюремной камеры и слегка прикусил губу золотым зубом на нижней челюсти. Он добрался до трудной части своей исповеди. Единственным звуком, нарушавшим тишину в камере, было поскребывание его ногтей по вытатуированной на руке Мадонне. Парень, сидевший скрестив ноги на нарах напротив него, не проронил ни слова с того момента, как Ровер вошел в камеру. Он только улыбался умиротворенной улыбкой Будды, пристально глядя в одну точку на лбу Ровера. Его звали Сонни, и о нем говорили, что, будучи подростком, он замочил двоих, что его отец был продажным полицейским и что он обладает особыми способностями. Трудно сказать, слушал ли он Ровера, – его зеленые глаза и большая часть лица были скрыты грязными длинными волосами, – но это неважно. Ровер просто хотел получить отпущение грехов и благословение, чтобы завтра выйти из ворот Государственной тюрьмы строгого режима с чувством очищения. Не то чтобы Ровер был религиозным. Но ведь неплохо, если человек искренне планирует изменить ход вещей и попробовать зажить порядочной жизнью. Ровер вздохнул:

– Думаю, она была белоруской. Минск ведь в Белоруссии, да?

Ровер поднял глаза, но парень не ответил.

– Нестор называл ее Минск, – сказал Ровер. – И велел мне ее застрелить.

Когда исповедуешься человеку с настолько раздолбанным мозгом, у тебя есть большое преимущество: в его памяти не откладываются ни имена, ни события, ты будто разговариваешь сам с собой. Возможно, именно поэтому заключенные Гостюрьмы предпочитали исповедоваться этому парню, а не священнику или психологу.

– Она и восемь других девчонок сидели в клетке у Нестора в Энерхауге. Из Восточной Европы и Азии. Маленькие. Подростки. По крайней мере, надеюсь, что это так. А Минск была постарше. Сильнее. Она смогла сбежать. И успела добраться до парка Тёйен, прежде чем собака Нестора ее схватила. Такой аргентинский дог, знаешь?

Взгляд парня не сдвинулся ни на сантиметр, но он поднял руку, нащупал бороду и стал перебирать ее пальцами. Рукав большой грязной рубашки задрался и обнажил струпья и следы укулов. Ровер продолжил:

– Здоровенные отвратные суки-альбиносы. Убивают все, на что укажет хозяин. И кое-что из того, на что он не указывает. Они запрещены в Норвегии, ясен пень. Их импортирует из Чехии один клуб собаководства в Рэлингене и регистрирует как белых боксеров. Мы с Нестором поехали туда и купили эту суку, когда она еще была щенком. Больше пятидесяти кусков наличкой. Но она была такой милой, что совершенно невозможно представить, как она...

Ровер резко замолчал. Он знал, что рассказывает о собаке только для того, чтобы отсрочить ту историю, ради которой пришел сюда.

– В любом случае...

В любом случае. Ровер посмотрел на татуировку на другой руке. Церковь с двумя шпилями. По одному за каждую ходку. Никому *в любом случае* не было до этого дела. Он доставлял контрабандное оружие в байкерский клуб и в своей мастерской немного подправлял его. Уж это он умел. Очень даже хорошо умел. Настолько хорошо, что не мог больше оставаться невидимкой, и его взяли. *В любом случае* он был настолько хорош, что после первой ходки Нестор его пригрел. Или отморозил. Купил его с потрохами, чтобы самое лучшее оружие было у людей Нестора, а не у байкеров или других конкурентов. За несколько месяцев работы Нестор заплатил ему столько, сколько Ровер в своей маленькой байкерской мастерской не заработал бы за всю жизнь. Но взамен Нестор требовал многого. Слишком многого.

– Она лежала среди деревьев, обливаясь кровью. Лежала тихо и только смотрела на нас. Собака откусила ей щеки, сквозь рану были видны зубы...

Ровер страдальчески поморщился. Он добрался до сути.

– Нестор сказал нам, что настало время показательного наказания, что пора продемонстрировать другим девчонкам, чем они рискуют. А Минск в любом случае теперь бесполезна, ведь ее лицо... – Ровер сглотнул. – И он велел мне сделать это. Закончить. Я доказал бы тем самым свою лояльность, вот. У меня с собой был старый пистолет «Ругер МК2», немного подправленный. И я хотел это сделать. Правда хотел. Не то чтобы...

У Ровера встал комок в горле. Сколько раз он думал об этом, перебирал в памяти секунды той ночи в парке Тёйен, прокручивал в голове эпизод с девчонкой, в котором они с Нестором выступали в качестве главных героев, а все остальные, даже притихшая сука, – в роли молчаливых свидетелей? Сто раз? Тысячу? И все же только сейчас, когда Ровер впервые заговорил об этом вслух, до него дошло, что все это не было сном, что это случилось на самом деле. Или, точнее, его тело только сейчас это ощутило и попыталось вывернуть желудок наизнанку. Ровер стал глубоко дышать носом, чтобы подавить рвоту.

– Однако я не смог. Хотя и знал, что ей в любом случае придется умереть. Они держали собаку наготове, а я подумал, что в такой ситуации сам предпочел бы пулю. Но курок, казалось, намертво прирос к пистолету. Я просто-напросто не смог на него нажать.

Парень едва заметно кивал – то ли в ответ на рассказ Ровера, то ли в такт музыке, слышной ему одному.

– Нестор сказал, что мы не можем ждать до скончания века, мы же все-таки находились посреди общественного парка. И он достал из ножен на ноге маленький кривой нож, шагнул вперед, схватил девушку за волосы, приподнял ей голову и махнул ножом у горла. Будто рыбу потрошил. Из горла три-четыре раза брызнул фонтан крови – и все, она вся вылилась. Но знаешь, что я запомнил лучше всего? Собаку. Как она завывала, увидев струю крови.

Ровер наклонился вперед, уперев локти в колени, прикрыл уши ладонями и стал раскачиваться взад-вперед на стуле.

– А я ничего не сделал. Просто стоял и смотрел. Ни черта не сделал. Просто смотрел, как они замотали ее в одеяло и понесли в машину. Мы отвезли ее в лес, в Эстермарксетра, выгрузили и сбросили вниз по склону на озере Ульсрудваннет. Там многие гуляют с собаками, так что ее нашли уже на следующий день. Дело в том, что Нестор хотел, чтобы ее нашли, понимаешь? Хотел, чтобы в газетах появились фотографии, на которых видно, что с ней сделали, и он смог бы показать их другим девчонкам.

Ровер отнял руки от ушей.

– Я перестал спать, потому что стоило мне заснуть, и я видел кошмары: девочку без щеки, которая улыбалась мне разорванным ртом. И я пошел к Нестору и сказал, что должен выйти из игры. Сказал, что больше не буду подправлять «узи» и «глоки», что хочу чинить мотоциклы. Хочу жить мирно и не думать постоянно о легавых. Нестор согласился отпустить меня, понял, что во мне не так уж много плохого парня. Но он в подробностях объяснил, что меня ждет, если я начну болтать. Я все понял и стал вести нормальную жизнь. Отказывался от всех предложений, хотя у меня еще оставалось несколько отличных «узи». Но у меня постоянно было ощущение, что еще ничего не кончилось, понимаешь? Что меня должны пришить. Можно сказать, я почувствовал облегчение, когда меня схватили легавые и заперли в безопасную клетку. Взяли по старому делу, в котором я был всего лишь соучастником: они арестовали двух парней, и те показали, что оружием их снабдил именно я. Я тут же сознался.

Ровер глухо засмеялся, потом закашлялся и снова наклонился вперед:

– Я выйду отсюда через восемнадцать часов. Я, черт возьми, не знаю, что меня ждет. Знаю только, что Нестору известно о моем выходе, хотя меня выпускают на четыре недели раньше срока. Ему известно обо всем, что происходит здесь и в полиции. У них везде свои люди, это я успел узнать. И вот я думаю: если бы он хотел прихлопнуть меня, то мог бы сделать это здесь, а не ждать, когда я выйду на свободу. А ты как думаешь?

Ровер ждал. Стояла тишина. Создавалось ощущение, что у парня в голове нет вообще никаких мыслей.

– В любом случае, – сказал Ровер, – небольшое благословение мне не повредит, понимаешь?

Когда он произнес слово «благословение», в глазах сидящего напротив что-то вспыхнуло, он поднял правую руку и подал знак Роверу подойти ближе и опуститься на колени на маленьком коврик перед нарами. Франк больше никому из заключенных не позволял класть коврики на пол. Это было одним из принципов швейцарской модели, которой пользовались в Гостюрье: никаких лишних вещей в камерах. В камере могло быть не больше двадцати вещей. Если хочешь иметь пару обуви, отдай пару брюк или две книги, к примеру. Ровер поднял взгляд на лицо Сонни. Тот смочил сухие, потрескавшиеся губы кончиком языка. Голос его оказался на удивление высоким, и хотя говорил он медленно и почти шепотом, дикция была вполне четкой:

– Все земные и небесные боги смиростивятся над тобой и простят тебе твои прегрешения. Ты умрешь, но душа прощенного грешника вознесется в рай. Аминь.

Ровер склонил голову. Он почувствовал, как на его гладко выбритую макушку опустилась левая рука благословляющего. Парень был левшой, и в его случае необязательно было прибегать к статистике, чтобы понять, что ожидаемая продолжительность его жизни меньше, чем у правшей. Передоз мог случиться завтра или через десять лет, одному богу ведомо когда. Поговаривали, что левая рука парня способна исцелять, но Ровер в это не верил, как не верил и в благословение. Так почему же он сидит здесь?

Н-да. С религией так же, как со страховкой от пожара: ты не думаешь всерьез, что она тебе пригодится, но если люди утверждают, что парень может взять на себя твои страдания, то почему бы не согласиться и не облегчить душу?

Но еще больше Ровера интересовало, как могло случиться, что такой парень совершил хладнокровное убийство. Что-то не сходилось. А может, правы те, кто утверждает, что дьявол приходит в роскошных одеждах.

– Салям алейкум, – раздался голос, и рука исчезла с его макушки.

Ровер продолжал сидеть, склонив голову. Кончиком языка он ощупывал гладкую поверхность золотого зуба. Готов ли он теперь? Готов ли встретиться со своим создателем, если именно это его ожидает? Он поднял голову.

– Я знаю, что ты никогда не просишь плату, но...

Его взгляд упал на обнаженную ступню поджатой ноги Сонни. На большой вене на подъеме стопы виднелись следы уколов.

– В прошлый раз я сидел в Бутсене, и там всем удавалось доставать дурь, по problem¹. Но Бутсен – это не тюрьма строгого режима. Говорят, Франк снова перекрыл здесь все каналы. Однако... – Ровер засунул руку в карман, – это не совсем так.

Он вынул предмет размером с мобильный телефон – позолоченную штучку, похожую на микропистолет, – и нажал на крошечный курок. Из ствола вылетело маленькое пламя.

– Видел такое раньше? Да видел, конечно. Во всяком случае, надзиратели, обыскивавшие меня при поступлении, видели. Они сказали, что приторговывают дешевыми контрабандными сигаретами, если мне это интересно, и разрешили оставить себе зажигалку. Они, наверное, плохо изучили мою биографию. Разве не удивительно, что эта страна все еще функционирует, несмотря на то что люди постоянно халтурят?

Ровер взвесил зажигалку на ладони.

– Восемь лет назад я сделал ее в двух экземплярах. Не думаю, что преувеличу, сказав, что никто в этой стране не смог бы справиться с задачей лучше. Я получил заказ через посредника.

¹ Никаких проблем (англ.).

Он сказал, что заказчик хочет иметь стрелковое оружие, которое не надо было бы прятать, которое было бы не похоже на оружие. И я сделал вот это. Люди странно мыслят. Первое, что приходит им в голову при виде этого предмета: «Пистолет!» Но как только ты покажешь им, что его можно использовать в качестве зажигалки, они начисто забывают первую мысль. Они не удивятся, если ты скажешь, что этот предмет можно использовать как зубную щетку или отвертку. Но не поверят, что это пистолет. Ну что же...

Ровер повернул винт на нижней части рукоятки.

– В него помещаются две девятимиллиметровые пули. Я назвал его «убийцей жен». – Ровер направил ствол на парня. – Одна тебе, дорогая... – Потом он приставил дуло к своему виску. – И одна мне.

Смех Ровера в маленькой камере прозвучал на удивление одиноко.

– Вот так. На самом деле я должен был изготовить только один экземпляр: заказчик не хотел, чтобы другие были посвящены в тайну этого изобретения. Но я сделал еще один. И прихватил его сюда на случай, если Нестор попробует подослать ко мне кого-то. Завтра я выхожу на свободу, и он мне больше не нужен, так что теперь он твой. А здесь...

Из другого кармана Ровер вынул пачку сигарет.

– Подозрительно, если у тебя не будет сигарет, верно? – Он снял обертку с верхней части пачки, открыл ее и вложил внутрь позолоченную визитку «Мотоциклетной мастерской Ровера». – Теперь у тебя есть мой адрес, если потребуется отремонтировать мотоцикл. Или добыть дьявольски хороший «узи». Я уже говорил, у меня осталось...

Дверь в камеру открылась, и громкий голос произнес:

– На выход, Ровер!

Ровер обернулся. Пояс брюк надзирателя, появившегося в дверном проеме, отвис под тяжестью огромной связки ключей. Частично ее скрывал живот, вываливающийся из брюк, как поднявшееся тесто.

– К вашему святейшеству тут посетитель. Можно даже сказать, близкий родственник. – Он заржал и повернулся к человеку, стоявшему за дверью: – Выдержишь, Пер, или как?

Ровер засунул пистолет и сигареты под матрац на нарах Сонни, поднялся и в последний раз посмотрел на него. А потом быстро вышел.

Тюремный священник поправил новый белый воротничок, который никогда не сидел так, как надо. «Близкий родственник. Выдержишь, Пер, или как?» Больше всего ему хотелось плюнуть в ржущую сытую рожу надзирателя. Вместо этого он дружелюбно кивнул вышедшему из камеры заключенному, сделав вид, что узнал его. Он разглядел татуировки на его руках: Мадонна и церковь. Но нет, за все эти годы перед ним прошло столько лиц и татуировок, что он не мог отличить их друг от друга.

Священник вошел внутрь. В камере пахло благовониями. Во всяком случае, запах был похож на благовония. Или на подгоревший наркотик.

– Здравствуй, Сонни.

Молодой человек на нарах не поднял глаз, только медленно кивнул. Пер Воллан посчитал, что это должно означать: его заметили и приняли. Приняли.

Он опустился на стул и почувствовал определенное неудобство, ощутив тепло человека, сидевшего на этом месте до него. Принесенную с собой Библию он положил на нары рядом с заключенным.

– Сегодня я возложил цветы на могилу твоих родителей, – произнес он. – Я знаю, ты меня об этом не просил, но...

Перу Воллану не удавалось поймать взгляд молодого человека. У него самого было два сына, оба уже взрослые, оба съехали из дома. Впрочем, как и он сам. Разница заключалась в том, что их в любой момент с радостью приняли бы обратно. В протоколе судебного заседания

имелись показания одного из свидетелей защиты, школьного учителя, который рассказал, что Сонни был примерным учеником и талантливым спортсменом-борцом. Его любили, он всегда был готов прийти на помощь и даже говорил, что планирует стать полицейским, как и его отец. Но в школе не видели Сонни с того самого дня, когда его отца нашли мертвым с прощальным письмом самоубийцы, где он признавался в коррупции. Священник попытался представить, какой стыд испытывал в это время пятнадцатилетний подросток и какой стыд испытают его сыновья, если когда-нибудь узнают, что сделал их отец. Он поправил воротничок.

– Спасибо, – сказал парень.

Священник подумал, как молодо тот выглядит, ведь ему должно быть уже около тридцати. Да. Он отсидел здесь двенадцать лет, а в тюрьму попал в восемнадцать. Возможно, наркотики мумифицировали его и не давали стареть, у него только отрастали волосы и борода, а неизменно невинные глаза продолжали с удивлением взирая на мир. На злой мир. Господь знает, что этот мир полон зла. Пер Воллан прослужил тюремным священником больше сорока лет и видел, что количество зла в мире постоянно увеличивается. Зло было подобно раковой клетке, которая делает здоровые клетки больными, кусает их, как вампир, и заставляет продолжать цепную реакцию. И никто из укушенных не спасется. Никто.

– Как твои дела, Сонни? Как прошел отпуск? Вы видели море?

Ответа не последовало.

Пер Воллан прокашлялся:

– Надзиратель говорит, что вы видели море. Возможно, ты читал в газетах, что на следующий день после вашей поездки недалеко от того места, где вы были, обнаружен труп женщины. Ее нашли в кровати в собственном доме. Ее голова была... да. Все подробности здесь... – Он ткнул указательным пальцем в Библию. – Надзиратель уже подал рапорт о том, что ты сбежал от него, когда вы были у моря, и что он нашел тебя час спустя у дороги. И что ты не хотел говорить, где был. Важно, чтобы ты не сказал ничего, что могло бы вступить в противоречие с его рапортом, понятно? Как всегда, говори поменьше. Хорошо, Сонни?

Наконец Пер Воллан поймал взгляд парня. Этот взгляд почти ничего не сказал о том, что происходит в его голове, но священник был совершенно уверен, что Сонни Лофтхус выполнит инструкции. Он не скажет ничего лишнего ни следователям, ни прокурору. Просто ответит своим высоким мягким голосом «да» на вопрос, признает ли он свою вину. Потому что, как бы парадоксально это ни звучало, Воллан иногда замечал сосредоточенность, волю, инстинкт выживания, отличавшие этого наркомана от других, постоянно плывущих по течению, не имеющих никаких планов, неуклонно движущихся к концу. Эта воля могла проступить во внезапно просветлевшем взгляде, в вопросе, свидетельствующем о том, что он все время был здесь, все слышал и понимал. Или даже в том, как он внезапно вставал, соблюдая координацию, баланс и гибкость, не присущие другим наркоманам со стажем. Однако в иные моменты, вот как сейчас, невозможно было сказать, понимает ли он хоть что-нибудь.

Воллан заерзал на стуле:

– Конечно, это означает, что несколько лет у тебя не будет новых отпусков. Но ведь тебе и так не нравится жизнь за стенами тюрьмы, правда? А теперь ты и море увидел.

– Не море, а реку. Это был муж?

Священник вздрогнул, как бывает, когда черная поверхность воды перед тобой внезапно начинает волноваться.

– Не знаю. Тебе это важно?

Ответа не последовало. Воллан вздохнул. К горлу снова подступила тошнота. Она постоянно приходила и уходила. Наверное, надо записаться к врачу и обследовать свое тело.

– Не думай об этом, Сонни. Важнее всего то, что на воле таким, как ты, целый день надо охотиться, чтобы раздобыть себе дозу. А здесь он позаботится обо всем. И помни, что время

идет. Когда срок давности по предыдущим убийствам пройдет, ты не будешь представлять для них никакой ценности. А с этим убийством ты продлишь себе жизнь.

– Это был муж. Он богатый?

Воллан указал на Библию:

– Там описание дома, в который ты залез. Большой дом с разными наворотами. Но сигнализация, призванная охранять богатства, не была включена, даже дверь была не заперта. Фамилия Морсанд. Судовладелец с повязкой на глазу. Может, видел его в газетах?

– Да.

– Правда? Не думал, что ты...

– Да, я убил ее. Да, я прочитаю, как я это сделал.

Пер Воллан вздохнул:

– Хорошо. На некоторые детали того, как ты это сделал, необходимо обратить внимание.

– Ладно.

– Ей... отрезали верхушку черепа. Ты, вероятно, воспользовался пилой, понимаешь?

После этих слов наступила продолжительная тишина, и Пер Воллан уже начал подумывать, не наполнить ли ее звуками рвоты. Да, лучше блевотина, чем те слова, что вылетали из его рта. Он посмотрел на молодого мужчину. Что за факторы определяют, какой будет жизнь человека? Цепь случайных происшествий, над которыми он не властен, или космическая сила, тянущая жизнь в нужном направлении? Пер Воллан снова подергал новый, на удивление жесткий воротничок рубашки, подавил приступ тошноты, взял себя в руки и подумал о том, что стояло на кону.

Он поднялся:

– Если тебе понадобится связаться со мной, то я пока живу в пансионе на площади Александра Хелланда.

Священник поймал вопросительный взгляд парня.

– Это временно. – Он хихикнул. – Жена выгнала меня из дома, а я знал людей из пансиона, так что...

Он оборвал себя на полуслове. Священник понял, почему столько заключенных приходило к парню, чтобы выговориться. Дело было в тишине. В засасывающем вакууме, окружающем человека, который только слушает, не реагируя и не осуждая. Который, ничего не делая, вытягивает из тебя слова и тайны. Воллан пытался делать то же самое как священник, но заключенные как будто чуяли, что у него есть план. Они не знали какой, но были уверены, что, проникнув в их тайны, он достигнет какой-то цели. Обеспечит доступ к их душам, а потом, возможно, получит за это награду на небесах.

Священник увидел, что парень открыл Библию. Все было до смешного обычно: дырка на месте вырезанных страниц, где лежали свернутые листы с инструкциями, необходимыми для совершения признания. И три маленьких пакетика героина.

Глава 2

Арильд Франк крикнул «войдите!», не отрывая глаз от бумаг.

Он услышал, как открывается дверь. Ина, секретарь из приемной помощника начальника тюрьмы, уже доложила о приходе посетителя, и Арильд Франк на секунду задумался, не скажется ли занятым. При чем он бы даже не соврал: через полчаса ему предстояла встреча с начальником полиции в Полицейском управлении. Но в последнее время состояние Пера Воллана было не таким стабильным, как всем хотелось бы, и стоило еще раз удостовериться, что он пребывает в душевном равновесии. В этом деле нет места ошибкам.

– Не надо садиться, – сказал помощник начальника тюрьмы, подписал одну из лежащих на столе бумаг и поднялся. – Расскажешь, в чем дело, по дороге.

Он направился к двери, снял с вешалки форменную фуражку и услышал за спиной тяжелые шаги священника. Арильд Франк сообщил Ине, что вернется через два с половиной часа, и приложил указательный палец к сканеру возле двери, ведущей на лестницу. Тюрьма представляла собой двухэтажное здание без лифта. Потому что лифты – это лифтовые шахты, а лифтовые шахты – возможные пути побега во время пожара. А пожар с последующей хаотичной эвакуацией – это лишь один из способов, которые используются для побега умными заключенными. По той же причине все электрические провода, щитки и водопроводные трубы были проложены вне досягаемости заключенных: либо снаружи здания, либо внутри стен. Здесь все было продумано. Арильд Франк продумал все. Он сидел вместе с архитекторами и международными экспертами, когда те проектировали Гостюрьму. Да, прототипом послужила тюрьма в Ленцбурге в швейцарском кантоне Аргау: суперсовременная, но простая, где особое внимание уделяется безопасности и эффективности, а не комфорту. Однако именно он, Арильд Франк, создал Гостюрьму. Гостюрьма была Арильдом Франком, и наоборот. И почему он – всего лишь помощник начальника тюрьмы, а начальником назначили этого бройлера из тюрьмы в Халдене, надо спрашивать у Совета по найму, черт бы его побрал. Ну и ладно, зато Арильд Франк мог быть крутым и не лизать зад политикам, аплодируя каждой новой светлой идее о том, как надо реформировать тюремную систему, когда еще не завершена предыдущая реформа. Он знал свое дело: держать людей за решеткой и под замком так, чтобы они не болели, не умирали и не становились хуже после пребывания в тюрьме. Он был лоялен по отношению к тем, кто заслуживал его лояльности, и заботился о своих. Даже этого нельзя было сказать о тех, кто сидел выше его в насквозь прогнившей полицейской иерархии. Однажды, еще до того, как его совершенно явно обошли, он даже представил, как после его ухода из тюрьмы в ее фойе устаноят его бюст, и замечание жены о том, что его торс без шеи, бульдожье лицо и жидкая челка вряд ли подойдут для памятника, его не расстроило. Но если человек не получает по заслугам, он должен сам взять заслуженное, – так он теперь думал.

– Я больше не могу этим заниматься, – произнес Пер Воллан за его спиной, пока они шли по коридору.

– Заниматься чем?

– Я священник. То, что мы делаем с этим мальчишкой... Мы посадим его за то, чего он не совершал! Он будет сидеть вместо мужа, который...

– Тише!

Перед контрольным помещением – Франк любил называть его «мостом» – они увидели пожилого мужчину. Тот на минуту прекратил драить пол и дружелюбно кивнул Франку. Йоханнес был самым старым заключенным, из тех, что нравились Франку: дружелюбный человек, который когда-то в прошлом веке провез контрабандой наркоту. За годы, проведенные здесь, он настолько вжился, обжился и прижился, что боялся только одного – того дня, когда ему

придется покинуть эти стены. Впрочем, такие заключенные не ставили перед Гостюрьмой тех задач, какие она призвана была решать.

– У тебя совесть нечиста, Воллан?

– Да. Да, нечиста, Арильд.

Франк уже и забыл, когда именно коллеги начали называть своих начальников по имени. Или когда начальники тюрьмы начали носить штатское вместо формы. Кое-где даже надзиратели ходили в штатском. Во время беспорядков в тюрьме Франсишку де Мар в Сан-Паулу они напустили слезоточивого газа и постреляли своих, потому что не могли отличить надзирателей от заключенных.

– Я хочу выйти из игры, – пропыхтел священник.

– Ах вот как?

Франк быстро шагал вниз по лестнице. Для человека, которому до пенсии оставалось меньше десяти лет, он находился в хорошей форме. Потому что занимался спортом. Еще одна забытая добродетель в отрасли, где лишний вес был скорее нормой, чем исключением. А разве он не тренировал местную команду пловцов, когда его дочь занималась плаванием? Разве не работал на благо всех даже в свое свободное время, возвращая долги обществу, давшему стольким людям так много? Здесь это не ценилось.

– А что говорит твоя совесть по поводу мальчиков, которых ты домогался, Воллан? У нас есть доказательства.

Франк прижал указательный палец к сенсору у двери в коридор, который в западном направлении вел к камерам, а в восточном – к раздевалке сотрудников и выходу на парковку.

– Мне кажется, ты должен думать о том, что Сонни Лофтхус сидит и за твои грехи, Воллан.

Еще одна дверь, еще один сенсор. Франк приложил к нему указательный палец. Ему нравилось это изобретение, заимствованное из тюрьмы Обихиро в японском городе Кусиро. Отпечатки пальцев всех лиц, имеющих право проходить через эти двери, были зарегистрированы в компьютерной базе. Так был не просто устранен риск ненадлежащего использования ключей (ведь их можно потерять или сделать с них дубликат), но и появилась возможность узнать, кто и когда проходил через какие двери. Конечно, в тюрьме имелись камеры слежения, однако лица можно скрыть. А вот отпечатки пальцев – нет. Дверь с фырканьем открылась, и они вошли в шлюз.

– Я говорю, что больше не вынесу, Арильд.

Франк прижал указательный палец к губам. Кроме камер слежения, охватывавших почти всю территорию тюрьмы, в шлюзы были вмонтированы переговорные устройства. Так что если человек по той или иной причине не имел возможности двигаться дальше, он мог поговорить с контрольным помещением. Они вышли из шлюза и направились к гардеробной, где находились душ и шкафчики для хранения одежды и личных вещей каждого сотрудника. У помощника начальника тюрьмы имелся мастер-ключ, подходивший ко всем шкафчикам, но Франк считал, что эту информацию необязательно доводить до сведения подчиненных, скорее наоборот.

– Мне казалось, ты понял, с кем имеешь дело, – сказал Франк. – Ты не можешь просто все бросить. Для этих людей лояльность – вопрос жизни и смерти.

– Я знаю, – произнес Пер Воллан, и в его тяжелом дыхании прорезался противный скрежет. – Но я говорю о *вечной* жизни и смерти.

Франк остановился у входной двери и бросил взгляд на гардеробные шкафчики с левой стороны, чтобы убедиться, что они одни.

– Ты знаешь, чем рискуешь?

– Я никому не скажу ни слова, и Богу известно, что это правда. Я хочу, чтобы ты передал им это слово в слово, Арильд. Что я буду нем как рыба, что я просто хочу выйти. Ты поможешь мне?

Франк посмотрел вниз, на сенсор. Выйти. На улицу вело всего два выхода: этот черный ход и главный вход в приемную. Никаких вентиляционных шахт, пожарных выходов, канализационных труб диаметром с человека.

– Может быть, – сказал он, прикладывая палец к сенсору.

Маленький красный огонек над дверной щеколдой сигнализировал, что ведется поиск в базе данных. Он погас, и вместо него загорелся зеленый огонек. Франк распахнул дверь. Яркое летнее солнце ослепило его, и, пока они пересекали большую парковку, он достал солнцезащитные очки.

– Я сообщу, – сказал Франк, вытаскивая ключи от машины, и бросил взгляд на будку охраны.

В ней круглосуточно дежурили двое вооруженных охранников, а въезд и выезд были перекрыты стальными шлагбаумами, которые не смог бы снести даже новый «порше-кайен» Арильда Франка. Возможно, с этой задачей справился бы «Хаммер H1», который он на самом деле хотел купить, но «хаммер» был слишком широким, а подъездные пути специально были сделаны узкими, чтобы исключить проезд больших машин. Для защиты от машин в ограду шестиметровой высоты, окружавшую всю территорию, были встроены стальные блоки. Франк подал заявку на получение разрешения пустить по ограде ток, но строительное управление, конечно, его не дало, поскольку Гостюрьма располагалась в центре Осло и от тока могли пострадать невинные граждане. Не такие уж и невинные, ведь чтобы добраться с улицы до этой ограды, им пришлось бы взять штурмом пятиметровую стену с колючей проволокой.

– А кстати, тебе куда?

– На площадь Александра Хелланда, – с надеждой в голосе сказал Пер Воллан.

– Извини, – ответил Арильд. – Не по пути.

– Ничего страшного, автобусная остановка недалеко.

– Хорошо. Я свяжусь с тобой.

Помощник начальника тюрьмы уселся в машину и подъехал к будке охраны. По инструкции каждую машину следовало остановить и проверить людей, сидящих в ней. Это правило касалось и его машины. Но вот сейчас, когда охранники видели, как он вышел из тюрьмы и сел в свою машину, они сразу подняли шлагбаум и пропустили его. Франк отсалютовал в ответ на их приветствие. Он остановился у светофора перед главной дорогой в ста метрах от ворот. Франк сидел и разглядывал в зеркало свою любимую Гостюрьму. Она была почти совершенной. Почти. То и дело либо строительное управление, либо министерство издавало какое-нибудь идиотское постановление или же чинил препятствия полупродажный Совет по найму. Сам Франк хотел, чтобы было хорошо всем усердно трудящимся честным жителям города, заслужившим безопасную жизнь и определенный материальный комфорт. Так что все могло бы быть по-другому. Но, как обычно говорил он своим ученикам по плаванию: плыви или утони, никто тебе не поможет. Он вернулся мыслями к предстоящему. У него имелось сообщение для передачи. И не было сомнений в том, чем это закончится.

На светофоре загорелся зеленый свет, и он нажал на газ.

Глава 3

Пер Воллан шел по парку недалеко от площади Александра Хелланда. Июль в этом году был дождливым и на удивление холодным, но сейчас солнце вернулось и освещало яркую зелень парка, словно весной. Лето еще не кончилось, и люди повсюду сидели, подставив лица солнцу и закрыв глаза. Они наслаждались теплом с таким усердием, словно получали его по карточкам. Грохотали скейтборды, булькало пиво – прохожие несли его в упаковках по шесть штук на барбекю в городские парки или на балконы. Но некоторые люди радовались возвращению солнца больше других. Казалось, их насквозь прокоптили выхлопные газы транспорта, двигавшегося по площади. Эти жалкие личности в скрюченных позах сидели на скамейках и вокруг фонтана, но все же приветствовали Пера Воллана хриплыми радостными возгласами, похожими на крики чаек. Он стоял на перекрестке улиц Уэланда и Вальдемара Транеса и ждал, когда на светофоре появится зеленый человечек. Автобусы и грузовые машины проезжали прямо перед его лицом. Фасад здания на противоположной стороне улицы то исчезал с его глаз, то вновь появлялся. И тогда он видел затянутые пленкой окна знаменитого бара «Транен», где с момента постройки дома в 1921 году могли утолить свою жажду наиболее страждущие жители города. Последние тридцать лет они делали это под аккомпанемент Арни «Скиффл² Джо» Норсе в ковбойском костюме, который, сидя на одноколесном велосипеде, играл на гитаре и пел вместе со своим маленьким оркестром, состоящим из пожилого слепого органиста и таитянки с тамбурином и автомобильным гудком. Пер Воллан скользнул взглядом вверх по фасаду, туда, где виднелась выкованная из железа вывеска «Пансион Ила». До войны здесь находился приют для женщин, родивших внебрачных детей. Сегодня городские власти предоставляли жилье в этом доме самым тяжелым наркоманам. Тем, у кого не было ни малейшего желания покончить с этим. Последняя остановка.

Пер Воллан пересек улицу, подошел к входной двери и нажал на звонок, бросив взгляд на камеру наблюдения. В двери что-то зажужжало, и он вошел внутрь. За былые заслуги ему предоставили комнату в пансионе на две недели. И это случилось уже месяц назад.

– Здравствуй, Пер, – сказала молодая кареглазая женщина, спустившаяся вниз, чтобы отпереть ему решетку перед лестницей. Кто-то испортил замок так, что открыть его снаружи не представлялось возможным. – Вообще-то, кафе уже закрылось, но если ты поторопишься, то еще успеешь пообедать.

– Спасибо, Марта, я не голоден.

– Выглядишь усталым.

– Шел пешком от Гостюрмы.

– Да? А что, автобуса не было?

Она начала подниматься по лестнице, а Пер потащился следом.

– Мне надо было подумать, – сказал он.

– Кстати, тебя тут спрашивали.

Пер застыл на месте.

– Кто?

– Не поинтересовалась. Наверное, полиция.

– Почему ты так решила?

– Им очень не терпелось тебя увидеть, и мне показалось, что дело касается кого-то из известных тебе заключенных.

² *Скиффл* – тип народной музыки, пение с аккомпанементом, сочетающее элементы английских фолк-куплетов и американского дисксиленда. Инструментарий непременно включал гитару, гармонику и стиральную доску в качестве ритм-инструмента. Скиффл был особенно популярен в 1950-х гг. в Англии.

«Ну вот, они уже пришли», – сказал себе Пер.

– Ты веришь во что-нибудь, Марта?

Она повернулась к нему и улыбнулась, и Пер подумал, что какой-нибудь молодой мужчина запросто смог бы не на шутку влюбиться в эту улыбку.

– Например, в Бога или Иисуса? – спросила Марта, проскользнула в дверь и оказалась внутри приемной с окном в одной из стенок.

– Например, в судьбу. В случайность или в космический умысел.

– Я верю в призрак Сумасшедшей Греты, – пробормотала Марта, роясь в бумагах.

– Призраки – это не...

– Ингер утверждает, что слышала вчера детский плач.

– Ингер очень впечатлительна, Марта.

Она высунула голову в окошко:

– Нам надо поговорить еще об одном деле, Пер...

Он вздохнул:

– Знаю. Все комнаты заняты и...

– Ремонт после пожара затягивается, и у нас до сих пор больше сорока постояльцев живут в двухместных комнатах. Так долго продолжаться не может. Они грабят друг друга, а потом дерутся. Кто-то из них наверняка воткнет нож в соседа, это вопрос времени.

– Хорошо. Я недолго пробуду здесь.

Марта склонила голову набок и задумчиво посмотрела на него:

– Почему она не хочет позволить тебе хотя бы ночевать в доме? Сколько лет вы женаты? Сорок?

– Тридцать восемь. Это ее дом, и все... сложно.

Пер устало улыбнулся, повернулся и пошел по коридору. Из-за двух дверей доносилась музыка. Амфетамин. Сегодня понедельник, офисы Социальной службы открылись после выходных, и повсюду что-то затевалось. Он отпер дверь. Задрипанная крохотная комнатка, где было место только для одной кровати и платяного шкафа, стоила шесть тысяч в месяц. За эти деньги можно снять целую квартиру в пригороде Осло.

Пер уселся на кровать и уставился в пыльное окно. Шум уличного движения навевал сон. Сквозь тонкие занавески просвечивало солнце. На подоконнике муха боролась за жизнь. Скоро ей предстоит умереть. Такова жизнь. Не смерть, а жизнь. Смерть – ничто. Сколько лет назад он это понял? Все остальное, все, что он проповедовал, люди выдумали ради того, чтобы защититься от страха смерти. И ничего из всего, что он знал, не имело сейчас никакого значения. Ведь то, что мы, люди, знаем, ничего не значит по сравнению с тем, во что мы должны верить, чтобы подавить страх и боль. Значит, он вернулся. Он верил во всепрощающего Бога и загробную жизнь. И сейчас он верил в это больше, чем когда-либо.

Он достал из-под газеты блокнот и начал писать.

Написать Перу Воллану требовалось не много. Несколько предложений на листочке бумаги, вот и все. Он зачеркнул свое имя на использованном конверте из-под письма от адвоката Альмы, в котором тот излагал их мнение по поводу того, на что Пер может претендовать. Естественно, не на многое.

Тюремный священник посмотрел на себя в зеркало, поправил воротничок, вынул из шкафа длинный пыльник и вышел.

Марты в приемной не было. Ингер взяла у него конверт и обещала передать по назначению.

Солнце успело опуститься ниже, день начал движение к концу. Пер Воллан шел по парку, краем глаза отмечая, что все исполняют свои роли без заметных ошибок. Никто не поднимался слишком быстро со скамейки, когда он проходил мимо. Ни одна машина не съехала осторожно с краешка тротуара, когда он передумал и пошел к реке, в сторону улицы Саннергата. Но они

были там. За окном, в котором отражался мирный летний вечер; в равнодушном взгляде прохожего; в холоде от тени, что напознала на восточную сторону домов, прогоняя солнце и отводя у него территорию. И Пер Воллан подумал, что то же самое было и в его жизни: вечная бессмысленная борьба с переменным успехом между светом и тьмой, борьба, в которой никогда не будет победителя. Или будет? Ведь каждый день тьма наступает все больше.

Они двигались к длинной ночи.

Пер ускорил шаг.

Глава 4

Симон Кефас поднес ко рту чашку кофе. Со своего места за столом в кухне он видел небольшой палисадник их дома на улице Фагерливейен в районе Дисен. Ночью прошел дождь, и его следы еще блестели на траве в лучах утреннего солнца. Симону казалось, он видит, как растет трава. Скоро придется пройти по ней газонокосилкой. Это будет шумный поход, Симон весь вспотеет от физического труда и будет ругаться. Ну и пусть. Эльсе спрашивала, почему он не купил электрическую газонокосилку, какими со временем обзавелись все соседи. У него был простой ответ: дорого. С этим аргументом он всегда выходил победителем из всех споров, когда рос в этом доме и в этом районе. Но в те времена здесь жили простые люди: учителя, парикмахеры, таксисты, чиновники из государственных и муниципальных органов власти. Или полицейские, как он сам. Не то чтобы люди, жившие здесь сейчас, были такими уж непростыми, но они работали рекламщиками, компьютерщиками, журналистами, врачами, они торговали непонятными продуктами или унаследовали деньги, чтобы купить маленький идиллический домик, вздуть цены и поднять весь район по социальной лестнице.

– О чем ты думаешь? – спросила Эльсе, встала позади него и провела рукой по его волосам.

Они значительно поредели, и, если смотреть сверху, можно было разглядеть макушку. Но Эльсе утверждала, что ей это нравится. Нравится, что он выглядит как тот, кто он и есть на самом деле – полицейский, которому скоро на пенсию. И что она тоже скоро состарится, хотя он на двадцать лет старше ее. Один из новоиспеченных соседей, известный в узких кругах кинопродюсер, решил, что она – дочь Симона. Ну и ладно.

– Я думаю о том, как мне повезло, – ответил он. – У меня есть ты. И все это.

Она поцеловала его в макушку. Он почувствовал, как ее губы коснулись кожи на его голове. Сегодня ночью Симону снилось, что он смог отдать ей свое зрение, а когда он проснулся и ничего не увидел, то на секунду почувствовал себя счастливым – пока не понял, что у него на глазах повязка от раннего солнечного света.

Раздался звонок.

– Это Эдит, – сказала Эльсе. – Пойду переоденусь.

Она открыла дверь своей сестре и скрылась на втором этаже.

– Привет, дядя Симон!

– Ух ты, неужели это тот самый парень? – произнес Симон, глядя на мальчугана, сияющего от предвкушения.

В кухню вошла Эдит:

– Прости, Симон, но он ныл и просил прийти пораньше, чтобы успеть померить твою фуражку.

– Конечно, – сказал Симон. – Но разве тебе сегодня не надо в школу, Матс?

– День планирования, – вздохнула Эдит. – Они даже не представляют, как трудно в этот день матерям-одиночкам.

– Вдвойне мило с твоей стороны предложить подвезти Эльсе в такой день.

– Да ладно тебе. Насколько я поняла, он будет в Осло только сегодня и завтра.

– Кто? – спросил Матс, теребя и дергая дядю за рукав, чтобы тот встал со стула.

– Американский доктор, который очень хорошо умеет чинить глаза, – сказал Симон и позволил поднять себя на ноги, притворяясь более крепким, чем был на самом деле. – Пошли посмотрим, не найдется ли у нас настоящей полицейской фуражки. Налей себе кофе, Эдит?

Мальчик и мужчина вышли в коридор, и мальчик взвыл от радости при виде черно-белой полицейской фуражки, которую мужчина достал с полки в шкафу, но сразу застыл в благого-

вании, как только мужчина опустил фуражку ему на голову. Они подошли к зеркалу. Мальчик ткнул пальцем в дядино отражение и воспроизвел звуки выстрелов.

– В кого это ты стреляешь? – удивился мужчина.

– В бандитов, – прошипел мальчик. – Бах! Бах!

– А может, в мишень? – спросил Симон. – Потому что полицейские не стреляют в бандитов без крайней необходимости.

– Стреляют! Бах! Бах!

– Иначе нас посадят в тюрьму, Матс.

– Нас? – Мальчик остановился и удивленно посмотрел на дядю. – Почему это? Мы же полицейские.

– Потому что, если мы стреляем в человека, не сумев поймать его, мы сами становимся бандитами.

– Но... но если мы его задержали, мы же можем стрелять?

Симон засмеялся:

– Нет. Тогда уже судья решает, сколько времени преступнику предстоит провести в тюрьме.

– А разве это не ты решаешь, дядя Симон? – Во взгляде мальчика промелькнуло разочарование.

– Знаешь что, Матс? Я рад, что не мне приходится это решать. Я рад, что мне надо всего-навсего их поймать. Потому что именно это самая интересная часть работы.

Матс зажмурил один глаз, и фуражка сползла ему на затылок.

– Слушай, дядя Симон...

– Да?

– А почему у вас с тетей Эльсе нет детей?

Симон встал позади племянника, положил руки ему на плечи и улыбнулся его отражению в зеркале:

– Зачем нам дети, если у нас есть ты? Или как?

Пару секунд Матс задумчиво смотрел на дядю, а потом его лицо осветилось улыбкой.

– Хорошо!

Симон засунул руку в карман и извлек вибрирующий телефон.

Звонили из Операционного центра. Симон выслушал сообщение.

– В каком месте у Акерсельвы? – спросил он.

– Напротив Кубы, у Академии художеств. Там есть пешеходный мост...

– Я знаю, где это, – ответил Симон. – Буду через тридцать минут.

Поскольку Симон уже стоял в коридоре, он нацепил ботинки и снял с вешалки куртку.

– Эльсе! – крикнул он.

– Да? – Ее лицо появилось над перилами лестницы.

Он снова поразился ее красоте. Длинные волосы, струящиеся рыжей рекой вокруг изящного бледного лица. Веснушки на носу и на щеках. И внезапно ему в голову пришла мысль, что у нее по-прежнему будут веснушки, когда сам он уйдет на тот свет. И вслед за этой пришла другая мысль, которую Симон попытался отогнать, но не смог: кто будет тогда ухаживать за ней? Он знал, что со своего места она его не видит, а просто делает вид, что видит. Он кашлянул:

– Мне надо идти, дорогая. Позвонишь и расскажешь, как прошла встреча с доктором?

– Да. Езжай осторожно.

Двое пожилых полицейских шли по парку, который в народе называли просто Куба. Почти все считали, что название это как-то связано с островом Куба, возможно потому, что здесь проходили политические митинги, а район Грюнерлёкка всегда был рабочим. Надо было

достаточно долго прожить в этом городе, чтобы узнать, что раньше здесь, в парке, стоял большой контейнер с газом, над которым имелась надстройка в форме куба. Они вышли на пешеходный мост, ведущий к старым фабричным корпусам, переданным Академии художеств. На прутья решетки моста были навешаны замки с написанными на них датами и инициалами влюбленных. Симон остановился и посмотрел на один из них. Он любил Эльсе все десять лет, что они прожили вместе, каждый из более чем трех с половиной тысяч дней. В его жизни не будет другой женщины, и для того, чтобы понимать это, ему не нужен никакой символический замок. Да и ей он не нужен, будем надеяться, что она переживет его на столько лет, чтобы в ее жизни появилось место для других мужчин. Ну и ладно.

С того места, где они стояли, был виден мост Омудт, скромный мост через скромную речку, разделяющую скромную столицу на западную и восточную части. Однажды, давным-давно, когда Симон был молодым и глупым, он сиганул с этого моста. Пьяная троица, три парня, двое из которых были непоколебимо уверены в себе самих и своем будущем. Двое из них были уверены в том, что они лучшие из этой троицы. Третий – а это был Симон – уже давно понял, что не может конкурировать с двумя приятелями по части ума, силы, общительности или тяги к женщинам. Но он был самым мужественным. Или, говоря другими словами, самым рискованным. А прыжок вниз в грязную воду не требовал ни ума, ни владения телом, лишь безрассудной смелости. Симон Кефас часто думал, что в молодости его единственным конкурентным преимуществом был пессимизм. Из-за этого пессимизма ему хотелось играть с будущим, которое он оценивал весьма невысоко. У него было врожденное чувство, что потерять он может меньше, чем остальные. Он встал на перила и дождался, когда два приятеля заорали, что не надо, что он сбрендил. И прыгнул. Вниз с моста, прочь из жизни, в чудесное крутящееся колесо казино под названием судьба. Он прошел через воду, у которой не было никакой поверхности, только белая пена, а под ней – ледяные объятия. И в этих объятиях он ощутил тишину, одиночество и покой. Когда он снова показался над поверхностью, совершенно невредимый, они ликовали. Да и сам Симон тоже, хотя он чувствовал небольшое разочарование оттого, что вернулся. Вот что может сделать с молодым человеком простая любовная неудача.

Симон отогнал от себя воспоминания и перевел взгляд на поток между двумя мостами. А точнее, на тело, висящее там, как на фотографии, застрявшее прямо на середине водопада.

– Скорее всего, тело плыло вниз по течению, – произнес пожилой криминалист, спутник Симона. – А его одежда зацепилась за что-то торчащее из водопада. Река по большей части такая мелкая, что ее можно перейти вброд.

– Ну конечно, – сказал Симон, засунул в рот пакетик с жевательным табаком и свесил голову набок.

Тело висело строго вертикально, с руками, расставленными в стороны, а вода обтекала его по обеим сторонам, словно белый стальной венок. Как волосы Эльсе, подумал Симон.

Криминалистам наконец удалось спустить лодку на воду, и сейчас они пытались снять тело с водопада.

– Спорим на пиво, что это самоубийство?

– Думаю, ты ошибаешься, Элиас, – сказал Симон, засунул скрюченный указательный палец под верхнюю губу и вытащил пакетик табака.

Он хотел бросить его в воды протекавшей под ними реки, но остановился. Наступили новые времена. Он оглянулся в поисках урны.

– Ну что, споришь на пиво?

– Нет, Элиас, я не буду спорить на пиво.

– Ой, прости, я забыл... – смутился криминалист.

– Да ладно, – сказал Симон и ушел.

На ходу он кивнул высокой белокурой женщине в черной юбке и короткой куртке. Он бы подумал, что она банковская служащая, если бы у нее на шнурке на шее не висело полицейское

удостоверение. Симон выбросил пакетик табака в урну на обочине дорожки у моста и пошел вниз, к берегу реки, а потом стал подниматься, исследуя взглядом поверхность земли.

– Комиссар Симон Кефас?

Элиас посмотрел вверх. Женщина, которая произнесла эти слова, выглядела так, как, наверное, иностранцы представляют себе типичную скандинавку. Он подумал, что сама она считает себя игроком высшей лиги и именно поэтому стоит сейчас в своих туфлях без каблучков, слегка склонившись вперед.

– Нет. А вы кто?

– Кари Адель. – Она вытянула в его сторону удостоверение, висящее у нее на шее. – Я новый сотрудник отдела по расследованию убийств. Мне сказали, что я найду комиссара здесь.

– Добро пожаловать. А зачем вам Симон?

– Он должен меня обучить.

– Тогда вам повезло, – произнес Элиас и указал на маленькую фигурку мужчины, идущего вдоль берега. – Вон ваш человек.

– Что он там ищет?

– Следы.

– Но они ведь должны были остаться вверх по течению от трупа, а не вниз?

– Да, и он исходит из того, что там мы уже все осмотрели.

– Другие криминалисты говорят, что это похоже на самоубийство.

– Да, я совершил ошибку и хотел поспорить с ним на пиво, что так и есть.

– Ошибку?

– У него зависимость, – объяснил Элиас. – *Была* зависимость. – И добавил, когда тщательно выщипанная бровь женщины поползла вверх: – Это не секрет. Это надо знать, если вы собираетесь работать вместе.

– Никто не говорил, что мне предстоит работать с алкоголиком.

– Не с алкоголиком, – поправил ее Элиас. – С игроманом.

Она заправила светлую прядь волос за ухо и зажмурила на солнце один глаз.

– Что за игры?

– Насколько мне известно, любые, в которые можно проиграть деньги. Но если вы – его новый напарник, то вам представится возможность самой его об этом расспросить. Где работали раньше?

– В отделе наркотиков.

– Ну, тогда река вам знакома.

– Да. – Она, сощурившись, посмотрела вверх по течению от трупа. – Конечно, возможно, что это наркоманское убийство, но не потому, что оно произошло здесь. Тяжелыми наркотиками не торгуют так далеко вверх по течению, их продают у площади Скаус и моста Ньюбруа. Из-за травы обычно не убивают.

– Да уж, – сказал Элиас и кивнул в сторону лодки. – Они его сняли, так что если у него есть при себе документы, мы скоро узнаем, кто...

– Я знаю, кто он, – произнесла Кари Адель. – Тюремный священник. Пер Воллан.

Элиас испытующе посмотрел на нее. Скоро она перестанет носить официальный офисный костюм, который, скорее всего, видела на женщинах-следователях в американских кино-сериалах. А в остальном в ней что-то было. Может, она из тех, кто задержится на этой должности. А может даже, она одна из тех, кто встречается крайне редко. Но так он раньше думал и о других, и где они теперь?

Глава 5

Комната для допросов была выкрашена светлой краской и обставлена мебелью из сосны. Красная занавеска закрывала окно, выходившее на контрольное помещение. Полицейскому Хенрику Вестаду из полицейского участка Бускеруда комната показалась уютной. Он уже приезжал в Осло из Драммена и бывал именно в этой комнате. Они допрашивали детей по делу о домогательствах, вот и оказались здесь. Теперь речь шла об убийстве. Вестада внимательно посмотрел на мужчину с длинной бородой и волосами, сидевшего на стуле с другой стороны стола. Сонни Лофтхус. Он казался моложе возраста, указанного в документах. Он выглядел трезвым, зрачки его были нормального размера. Но так обычно выглядят люди, у которых хорошая переносимость наркотиков. Вестада кашлянул:

– И ты плотно привязал ее, воспользовался обыкновенной ножовкой и ушел?

– Да, – ответил мужчина.

Он отказался от адвоката, но отвечал на вопросы преимущественно односложно. В конце концов Вестада стал задавать ему вопросы, требовавшие ответов «да» или «нет». И это, в общем, работало. Очевидно, работало: черт возьми, у них было признание. И все-таки... Вестада посмотрел на лежащие перед ним фотографии: верхняя часть черепа и мозга была частично отрезана и свисала набок, держась на коже. Глядя на это фото, Вестада подумал о вареном яйце с отрезанной верхушкой. На изображении был виден рисунок коры мозга. Вестада уже давно отверг идею о том, что, глядя на человека, можно понять, на какие ужасные поступки он способен. Но этот мужчина, от него... от него не веяло тем холодом, агрессией или, прямо говоря, идиотизмом, которыми веяло от других хладнокровных убийц.

Вестада откинулся на стуле:

– Почему ты признаешься?

Мужчина пожал плечами:

– ДНК на месте преступления.

– Откуда ты знаешь, что она там есть?

Мужчина поднял руку к длинным густым волосам, которые тюремное начальство теоретически должно было приказать остричь из гигиенических соображений.

– У меня выпадают волосы. Это побочный эффект от многолетнего приема наркотиков. Теперь я могу идти?

Вестада вздохнул. Признание. Улики на месте преступления. Почему же он сомневается?

Он склонился к микрофону, стоявшему посередине между ними:

– Допрос подозреваемого Сонни Лофтхуса завершен в тринадцать ноль четыре.

Он увидел, как погасла красная лампочка, и понял, что техник отключил диктофон.

Вестада поднялся и открыл дверь надзирателям, которые защелкнули наручники и повели заключенного обратно в Гостюрьму.

– Что думаешь? – спросил техник, когда Вестада вошел в контрольное помещение.

– Думаю? – Вестада надел куртку и резким нетерпеливым движением застегнул молнию. – Он оставляет мало места для размышлений.

– Я о первом сегодняшнем допросе.

Вестада пожал плечами. Подруга жертвы. Она показала, что жертва рассказывала ей, будто ее муж, Ингве Морсанд, обвинял ее в неверности и угрожал убить. Эва Морсанд боялась. Боялась в том числе и потому, что у мужа были причины для подозрений: она встретила другого мужчину и собиралась уйти от него. Более классический мотив для убийства найти трудно. А что за мотив у парня? Женщину не насиловали, из дома ничего не пропало. Ну да, шкафчик с лекарствами в ванной был взломан, и, по словам мужа, пропало снотворное. Но зачем

человеку, который, судя по следам от уколов на руках, имеет постоянный доступ к тяжелым наркотикам, беспокоиться о каких-то слабеньких снотворных?

Следующий вопрос возник немедленно: зачем следователю, получившему признание, беспокоиться о таких мелочах?

Йоханнес Халден махал метлой по полу между камерами в отделении «А» и тут увидел, что по коридору идут два надзирателя, а между ними – Сонни. Парень улыбался, и если бы не наручники на руках, можно было бы сказать, что он идет с двумя друзьями на какое-то приятное мероприятие.

Йоханнес поднял вверх правую руку:

– Смотри, Сонни! Плечо полностью восстановилось! Спасибо за помощь!

Парню пришлось поднять обе руки, чтобы показать старику большой палец.

Надзиратели остановились перед одной из камер и расстегнули наручники. Дверь камеры им отпирать не пришлось, потому что все двери автоматически открывались каждое утро в восемь часов и стояли незапертыми до десяти часов вечера. Ребята из контрольного помещения показывали Йоханнесу, как они открывают и закрывают все двери простым нажатием кнопки. Ему нравилось в контрольном помещении, поэтому там он обычно подолгу мыл полы. Как будто стоял на мостике супертанкера. Как будто находился там, где и должен. До «происшествия» Йоханнес служил матросом и начал изучать навигацию. Он хотел стать морским офицером: штурманом, старшим помощником, а затем и капитаном. Через несколько лет переехать к жене и дочке в домик недалеко от Фарсюнда и начать работать лоцманом. Так зачем же он совершил это? Почему все испортил? Что заставило его согласиться взять на борт два больших мешка из порта Сонгкла в Таиланде? Нельзя сказать, чтобы он не понимал, что в мешках героин. И нельзя сказать, что он не знал, какой срок его ждет и как истерично норвежская правовая система относилась в то время к подобным преступлениям, приравнивая их к преднамеренным убийствам. И дело даже было не в тех огромных деньгах, которые ему предложили за доставку мешков по определенному адресу в Осло. Так почему же он сделал это? Хотел рискнуть? Или мечтал о том, чтобы снова встретиться с ней, с красивой тайской девушкой в шелковом платье, погладить ее длинные черные блестящие волосы, заглянуть в миндалевидные глаза, услышать нежный голос, шепчущий сложные английские слова, увидеть мягкие малиновые губы, просящие сделать это ради нее, ради ее семьи из Чанг Рая. Она говорила, что только так он сможет спасти их. Нельзя сказать, чтобы он поверил в ее историю, но он поверил ее поцелую. И этот поцелуй он повез с собой домой, через моря, через таможню, в камеру предварительного заключения, в зал суда, в комнату для встреч с родственниками, где повзрослевшая дочь объяснила ему, что никто в семье не хочет больше иметь с ним ничего общего, через развод и прямо в камеру тюрьмы Ила. Ничего, кроме этого поцелуя, ему было не надо, и обещание этого поцелуя было единственным, что у него осталось.

Когда Йоханнеса выпустили, его никто не встретил: семья отреклась от него, друзья выросли, и на флот его больше не приняли. И он подался туда, где его готовы были принять. К бандитам. Он стал работать по своей старой профессии. Трамповое судоходство. Его нанял один украинец, Нестор. Героин из северного Таиланда перевозился на грузовиках по старому наркомаршруту через Турцию и Балканы. Груз делили между скандинавскими странами в Германии, откуда Йоханнес и транспортировал его на последнем отрезке пути. А потом он начал закладывать других.

Для этого тоже не было особых причин.

Просто один полицейский достучался до его души, в которой оказалось то, о чем он и не догадывался.

И хотя обещанная тем полицейским чистая совесть стоила гораздо меньше поцелуя красивой женщины, он поверил ему, вправду поверил. Что-то было в его глазах. Может быть,

Йоханнес двигался к чему-то хорошему, кто знает? А потом все случилось. Одним осенним вечером. Полицейского убили, и Йоханнес в первый и последний раз слышал, как упоминалось то имя, слышал, как его шептали со смесью страха и уважения: «Близнец».

С тех пор его возвращение за решетку было вопросом времени. Он стал рисковать все больше и больше, брал все большие грузы. Черт возьми, да он *хотел* быть пойманным. Хотел отсидеть за все, что совершил. Поэтому, когда его взяли на шведской границе, он испытал облегчение. Мебель в прицепе его автомобиля была начинена героином. Судья посчитал отягчающими обстоятельствами как объем перевозимого, так и то, что он попался не в первый раз. Это случилось десять лет назад. Его перевели в Гостюрьму сразу после ее открытия четыре года назад. Он видел, как приходят и уходят заключенные, как начинают и заканчивают работать надзиратели, и ко всем относился с тем уважением, какого они заслуживали. Постепенно он тоже стал пользоваться уважением, какое обычно оказывают пожилым. Неопасным. Потому что никто не знал, какую тайну он хранит. В каком предательстве он виновен. По какой причине он сам назначил себе это наказание. И у него не было надежды достичь того единственного, что еще имело значение. Поцелуя, который ему пообещала забытая женщина. Чистой совести, которую ему пообещал мертвый полицейский. Не было надежды до тех пор, пока его не перевели в отделение «А» и он не познакомился с парнем, который, как говорили, умеет исцелять. Йоханнес вздрогнул, когда услышал его фамилию.

Но Йоханнес Халден ничего не сказал. Он просто махал шваброй, низко опустив голову, улыбался, оказывал и принимал мелкие услуги, делающие жизнь за этими стенами сносной. Так пролетали дни, недели, месяцы, годы, превращаясь в жизнь, которая скоро должна была закончиться. Рак. Рак легких. Скоротечный, по словам доктора. Агрессивного типа, самого плохого, если его не обнаружить на ранней стадии.

Его не обнаружили на ранней стадии.

Никто ничего не мог поделать. По крайней мере, Сонни не мог. Он даже приблизительно не сумел угадать, что происходит с Йоханнесом. Когда тот спросил его об этом, парень предположил что-то в паху, хо-хо. А плечо, если честно, поправилось само, а не оттого, что его коснулась рука Сонни, температура которой наверняка была не выше обычных тридцати семи даже на ладони. Но он был хорошим мальчиком, и Йоханнес не хотел лишать его веры в то, что он обладает особыми способностями.

Так что Йоханнес держал при себе как болезнь, так и то, другое. Но он знал, что время не ждет. Что эту тайну он не может унести с собой в могилу. Во всяком случае, если он хочет спокойно лежать там, в могиле, а не очнуться живым мертвецом, изъеденным червями и приговоренным к вечным мукам. Нельзя сказать, чтобы у него были какие-то религиозные убеждения относительно того, кого и почему приговаривают к вечным мукам, но он допустил в своей жизни слишком много ошибок.

– Так много ошибок... – пробормотал Йоханнес Халден себе под нос.

Он оставил в сторону метлу, подошел к двери камеры Сонни и постучал.

Ответа не последовало. Он постучал еще раз.

Подождал.

Затем открыл дверь.

Сонни сидел на нарах, рука его выше локтя была перетянута резиновым ремнем, конец которого он зажимал в зубах. Он держал шприц прямо над вспухшей веной. Угол наклона составлял предписанные тридцать градусов, чтобы площадь попадания была как можно больше.

Он спокойно посмотрел на вошедшего и улыбнулся:

– Да?

– Прости, я... я могу подождать.

– Уверен?

– Да... спешки нет. – Йоханнес рассмеялся. – Часом меньше, часом больше – роли не играет.

– Часа через четыре?

– Отлично, через четыре часа.

Шприц вошел в вену, Сонни нажал на поршень. Старик почувствовал, как комнату словно наполнила тишина и похожий на черную воду мрак. Он медленно, спиной вперед двинулся к выходу, вышел и закрыл за собой дверь.

Глава 6

Симон прижал мобильный телефон к уху, а ноги положил на стол, одновременно раскачиваясь на стуле. Этим искусством их троица владела в совершенстве, и, когда они устраивали соревнование, кто дольше сумеет балансировать в таком положении, речь шла лишь о том, кому дольше не надоест.

– Значит, американец ничего не говорит? – спросил он тихо, отчасти потому, что не видел никаких причин втягивать сидящих вокруг сотрудников убойного отдела во внутренние дела своей семьи, отчасти потому, что они с женой привыкли именно так разговаривать по телефону: тихо и ласково, словно лежали в постели и обнимались.

– Не говорит, – ответила Эльсе. – Пока. Он хочет сначала изучить анализы и снимки. Заключение мне дадут завтра.

– Ладно. Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо.

– Насколько хорошо?

Она засмеялась:

– Не думай так много, любимый. Увидимся за ужином.

– Ладно. А твоя сестра, она...

– Да, она еще здесь, и она отвезет меня домой. Положи трубку, зануда, тебе надо работать!

Он нехотя прервал связь и вспомнил свой сон о том, как она получила его зрение.

– Комиссар Кефас?

Симон поднял голову. Запрокинул ее. Женщина, стоявшая перед его столом, была высокой. Очень высокой. И стройной. Долгоножка в офисном костюме.

– Я Кари Адель. Мне велено помогать вам. Я пыталась найти вас на месте преступления, но вы исчезли.

Эта женщина была больше похожа на банковскую служащую, чем на полицейского. Симон еще дальше откинулся на стуле:

– Каком таком месте преступления?

– Куба.

– Откуда вам известно, что это место преступления?

Он видел, как она замешкалась в поисках выхода. Выхода не было.

– Место возможного преступления, – уточнила она.

– А кто считает, что мне нужна помощь?

Женщина указала большим пальцем на потолок, чтобы объяснить, откуда пришел приказ:

– На самом деле помощь нужна мне. Я новенькая.

– Только что из Полицейской академии?

– Полтора года в отделе наркотиков.

– Новичок. И сразу в убойный? Поздравляю, Адель. Тебе повезло, либо у тебя хорошие связи, либо тебя взяли потому, что ты... – Он привел стул в нормальное положение и выудил из кармана джинсов порцию жевательного табака.

– Женщина? – предположила она.

– Я хотел сказать «способная».

Она покраснела, и он заметил досаду в ее взгляде.

– А ты способная? – спросил Симон и засунул табак под верхнюю губу.

– Была номером два в выпуске.

– И как долго ты собираешься прослужить в убойном?

– Что вы имеете в виду?

– Если тебе не понравилось в нарко, почему тебе должно понравиться в убойном?

Она снова замешкалась. Симон понял, что попал в цель. Она из тех, кто недолго пробует здесь в качестве гостя, а потом, вполне возможно, уйдет наверх по этажам и служебной лестнице. Способная. А может, вообще уйдет из полиции, как ушли все способные сотрудники отдела экономических преступлений. Исчезли вместе со своими знаниями и оставили Симона одного. Полиция не место для тех, кто умен, амбициозен и хочет хорошо жить.

– Я ушел с места преступления потому, что там больше нечего было искать, – сказал Симон. – Расскажи, с чего бы ты начала.

– Поговорила бы с его близкими, – произнесла Кари Адель, оглядываясь в поисках стула. – Определила бы его передвижения перед попаданием в реку.

В реку, а не в речку. Это указывало на то, что она жила на востоке западной части Осло, где все ужасно боялись, что из-за употребления уменьшительно-ласкательных суффиксов люди отнесут их к жителям «неправильного» берега, и совершенно не употребляли таких суффиксов.

– Хорошо, Адель. А его близкие...

– ...это его жена, которая должна была вскоре стать бывшей женой. Она недавно выгнала его из дома. Я поговорила с ней. Он жил в пансионе «Ила». А здесь есть стул...

Способная. Определенно способная.

– Он тебе сейчас не понадобится, – сказал Симон, поднимаясь.

Она была выше его сантиметров на пятнадцать. И все-таки за один его шаг делала два. А все из-за узкой юбки. Красивая юбка, но скоро она перестанет ее носить. Убийства расследуют в джинсах.

– Вам не стоит проходить внутрь.

Марта стояла у входной двери в пансион «Ила» и разглядывала этих двоих. Женщину она вроде бы видела раньше. Такой рост и худобу легко запомнить. Отдел по борьбе с наркотиками? У нее были светлые безжизненные волосы, почти никакой косметики и лицо с выражением легкого страдания, присущее избалованным деткам богачей.

Мужчина был ее полной противоположностью. Всего метр семьдесят ростом, возраст – за шестьдесят, на лице глубокие морщины. Но не только: еще и морщинки от улыбки. Седые густые волосы и глаза, в которых она прочитала «добрый», «с хорошим чувством юмора» и «упрямый». Так она автоматически изучала всех постояльцев во время обязательного вступительного собеседования, во время которого им предстояло выяснить, какое поведение и какие проблемы их здесь могли ожидать. Случалось, она ошибалась. Но не часто.

– Нам необязательно заходить, – произнес мужчина, представившийся комиссаром Кефасом. – Мы из отдела по расследованию убийств. Дело касается Пера Воллана. Он жил здесь...

– Жил?

– Да, он умер.

Марта стала хватать ртом воздух. Ее первая реакция на сообщение о смерти очередного постояльца всегда была такой. Ей казалось, она делает это, чтобы удостовериться, что сама еще жива. Потом наступило удивление. Удивление оттого, что она не удивилась. Пер ведь не был наркоманом, он не сидел в приемной у смерти вместе с остальными. Или сидел? И потому, что она видела это и неосознанно поняла, обычное глотание воздуха сменилось таким же обычным мысленным комментарием: «Этого следовало ожидать». Но на этот раз все не так. Все по-другому.

– Его нашли в реке Акерсельва, – говорил тем временем мужчина.

У женщины на лбу стояла печать «НА ОБУЧЕНИИ».

– Вот как, – сказала Марта.

– Кажется, вы не удивлены?

– Нет. Наверное, нет. Это всегда шок, но...

– Но люди наших профессий к этому привыкают, правда? – Мужчина кивнул на затянутые пленкой окна: – Я не знал, что «Транен» закрылся.

– Здесь будет модная кондитерская, – произнесла Марта и обхватила себя руками, словно замерзла. – Для мамочек, пьющих кофе латте.

– Они и сюда вторглись. Ладно. – Симон кивнул одному из старожилов пансиона, проходившему мимо на подкашивающихся по-наркомански ногах, и тот молча кивнул в ответ. – Здесь много знакомых лиц, как я погляжу. Однако Воллан работал тюремным священником. Отчет о вскрытии еще не готов, но следов от уколов мы у него не обнаружили.

– Он жил здесь не как наркоман. Он помогал нам, когда у нас возникали проблемы с бывшими заключенными. Они доверяли Воллану. И мы предоставили ему временное жилье, когда ему пришлось съехать из дома.

– Да, мы в курсе. Мне интересно, почему вы не удивились, хотя знали, что он не был наркоманом. Это ведь мог быть несчастный случай.

– А это был несчастный случай?

Симон посмотрел на высокую худышку. Она медлила, ожидая знака с его стороны, и наконец открыла рот:

– Мы не обнаружили никаких признаков насилия, но тропинки у реки – это криминальная территория.

«У реки», – отметила Марта. Строгая мама, поправлявшая ее речь за обеденным столом. «Ты никогда не выйдешь замуж за приличного человека, если будешь разговаривать, как портовый грузчик».

Комиссар Кефас склонил голову набок:

– О чем вы думаете, Марта?

Он ей нравился. Казалось, ему не все равно.

– Думаю, он знал, что умрет.

Полицейский поднял бровь:

– Почему вы так решили?

– Из-за письма, которое он мне передал.

Марта обошла вокруг стола в переговорной, находившейся прямо напротив приемной на втором этаже. Им удалось сохранить готический стиль, и эта комната, вне всяких сомнений, была самой красивой в здании. Да и конкурентов у нее было не много. Марта налила кофе комиссару, усевшемуся, чтобы прочитать письмо, которое Марта обнаружила в конверте, оставленном для нее в приемной Пером Волланом. Его напарница сидела рядом с ним на краешке стула и набирала на телефоне сообщение. Она вежливо отказалась от предложенных кофе, чая и воды. Как будто думала, что вода в этом здании полна каких-то редких микробов. Кефас протянул письмо коллеге:

– Здесь написано, что он завещает все свое имущество вашему пансиону.

Его коллега отправила сообщение и кашлянула. Комиссар повернулся к ней:

– Да, фрёкен Адель?

– Теперь больше нельзя говорить «пансион», теперь это называется общежитием.

Кефас искренне удивился:

– Почему это?

– Потому что у нас имеются социологи и медпункт, – сказала Марта. – И считается, что это больше чем пансион. Кроме того, само слово «пансион» приобрело негативное звучание. Пьянка, шум и ужасные условия. Поэтому и решили немного приукрасить действительность и именовать наше заведение по-другому.

– Но все-таки... – произнес полицейский. – Он захотел отдать все имущество вам?

Марта пожала плечами:

– Сомневаюсь, что у него много имущества. А вы заметили дату рядом с подписью?

– Он написал это вчера. И вы считаете, он сделал это, так как знал, что умрет. Иными словами, вы полагаете, что он совершил самоубийство?

Марта задумалась, потом ответила:

– Не знаю.

Высокая худышка кашлянула:

– Прекращение семейных отношений, насколько мне известно, является обычной причиной самоубийств у мужчин старше сорока.

У Марты появилось ощущение, что эта молчаливая женщина располагает точными статистическими данными по любому вопросу.

– Он казался подавленным? – спросил Симон.

– Скорее огорченным, чем подавленным.

– Вполне обычно, что люди, склонные к самоубийству, совершают его в тот момент, когда начинают выходить из депрессии, – произнесла женщина с таким выражением, будто читала прямо из книги. Двое других собеседников посмотрели на нее. – Сама депрессия часто характеризуется апатией, а для самоубийства требуется произвести определенные действия.

Звоночек подал сигнал, что ей на телефон пришло сообщение.

Кефас повернулся к Марте:

– Пожилого мужчину выгоняют из дома, и он пишет вам нечто вроде прощального письма. Почему не самоубийство?

– Я не говорила, что полностью отрицаю самоубийство.

– Но?

– Казалось, он боится.

– Боится чего?

Марта пожала плечами, подумав, не создает ли она себе ненужных проблем.

– У Пера были темные стороны. Он этого не скрывал. Он говорил, что стал священником, потому что ему требовалось больше прощения, чем другим.

– Вы хотите сказать, что он совершал поступки, за которые не каждый его простил бы?

– Никто бы его не простил.

– Вот как. Мы сейчас говорим о тех грехах, в которых особенно часто замечают священнослужителей?

Марта не ответила.

– И по этой же причине его выкинули из дома?

Марта помедлила. Этот полицейский был умнее многих других, с которыми ей доводилось встречаться. Но можно ли ему доверять?

– На моей работе учишься искусству прощать то, что простить невозможно, комиссар. Конечно, вполне возможно, что Пер не мог сам себя простить и выбрал такой выход. Но возможно и то...

– ...что кто-то другой, например отец ребенка, подвергшегося домогательствам, решил не идти официальным путем и не подавать заявления, которое могло бы усугубить состояние жертвы. При этом неизвестно, накажут ли Пера Воллана. А если накажут, то наказание в любом случае будет слишком мягким. Так что этот человек сам вынес приговор и сам привел его в исполнение.

Марта кивнула:

– Когда дело идет о твоём ребенке, то это вполне по-человечески. Разве не бывает, что в своей повседневной работе вы наказываете так, как не может наказывать закон?

Симон Кефас покачал головой:

– Если мы, полицейские, поддадимся таким соблазнам, закон утратит всякое значение. А я верю в закон. И в то, что правосудие надо осуществлять с закрытыми глазами. Вы подозреваете кого-то конкретно?

– Нет.

– Долги за наркотики? – спросила Кари Адель.

Марта покачала головой:

– Если бы он употреблял, я бы знала.

– Я спрашиваю, потому что я послала сообщение одному агенту из отдела наркотиков и спросила его о Пере Воллане. Он ответил... – Она достала телефон из узкого кармана пиджака. Вместе с телефоном из кармана вылетел игральный шарик, со стуком упал на пол и покатился на восток. – «Видел несколько раз, как он разговаривал с одним наркодилером», – прочитала она, поднимаясь и направляясь вслед за шариком. – «Видел, как он брал четверть, но не платил».

Кари Адель засунула телефон обратно в карман и схватила шарик, не успевший докатиться до стены.

– И какой вывод вы делаете из этого? – спросил Симон.

– Здание клонится в сторону площади Александра Хелланда. Наверное, с той стороны больше синей глины и меньше гранита.

Марта рассмеялась в голос.

Высокая худышка улыбнулась:

– И что Воллан был должен денег. Доза героина стоит триста крон. И не четверть, а ноль два. Две дозы в день...

– Не так быстро, – сказал Симон. – Наркоманам не отпускают в кредит, верно?

– Да, это необычно. Может быть, он оказывал им услуги, а они расплачивались героином.

Марта всплеснула руками:

– Он не употреблял, я же вам говорю! Половина моих обязанностей заключается в том, чтобы следить, находятся ли постояльцы под кайфом, понятно?

– Вы, конечно, правы, фрёкен Лиан, – сказал Симон, почесывая подбородок. – Возможно, геройн предназначался не для него.

Он поднялся.

– В любом случае, посмотрим, что нам скажут результаты вскрытия.

– Хорошо придумала с эсэмэской агенту из отдела наркотиков, – сказал Симон, ведя машину по улице Уэланда к центру.

– Спасибо, – ответила Кари.

– Симпатичная девушка эта Марта Лиан. Ты с ней раньше сталкивалась?

– С одной стороны, да, а с другой – нет.

– Что?

– Простите, неудачная шутка. Вы спрашивали, сталкивалась ли я с ней, когда работала в отделе наркотиков. Немного. Она замечательная, и мне всегда было интересно, почему она работает в «Иле».

– Из-за того, что она красивая?

– Приятная внешность предоставляет людям с приемлемым уровнем интеллекта и дисциплинированностью явные преимущества в поисках работы. Работа в «Иле» – это не трамплин, насколько я понимаю.

– Может быть, она просто считает, что это работа, которую стоит делать.

– Стоит? Вы знаете, сколько они платят...

– Стоит того, чтобы *кто-то* ее делал. За работу в полиции тоже платят не ахти.

– Это правда.

– Но полиция – хорошее место для начала карьеры, если, к примеру, совмещать ее с учебой на юридическом, – сказал Симон. – Когда ты закончила работать в том отделе?

Он снова заметил признаки покраснения на шее Кари и понял, что попал в яблочко.

– Ну что же, – продолжил Симон. – Приятно, что тебя нам одолжили. Скоро станешь начальником моего отдела, а? Или продолжишь в частном секторе, где, насколько я слышал, за людей с нашей компетенцией платят в среднем в полтора раза больше?

– Возможно, – ответила Кари. – Но вашим начальником я не стану, принимая во внимание, что в марте следующего года вы достигнете пенсионного возраста.

Симон не знал, плакать ему или смеяться. Он повернул налево на Грёнланнслейрет, в сторону Полицейского управления.

– Твоя зарплата может вырасти раза в полтора, а это очень пригодится при ремонте. Квартира или дом?

– Дом, – ответила Кари. – Мы планируем завести двух детей, и мне нужно много места. С ценами за квадратный метр в центре Осло приходится покупать жилье, требующее ремонта, если, конечно, ты не получил наследство. Наши родители – люди богатые, но и Сэм, и я считаем, что субсидирование – это коррупция.

– Коррупция, ни больше ни меньше?

– Да.

Симон рассеянно смотрел на пакистанских торговцев, которые в жару выходили из своих магазинчиков на улицу, разговаривали, курили сигареты и разглядывали проезжающие мимо автомобили.

– И тебе даже не интересно, как я догадался, что ты ищешь квартиру, требующую ремонта?

– Игральный шарик, – сказала Кари. – Взрослые люди, не имеющие детей, носят их в карманах, только если они смотрят старые дома или квартиры и проверяют, не придется ли им выравнивать полы.

Умно.

– Раз уж ты это проверяешь, – сказал Симон, – помни, что не всегда в доме, простоявшем сто двадцать лет, надо выравнивать полы.

– Может, и нет, – ответила Кари, наклонилась вперед и бросила взгляд на башню церкви Грёнланна. – Но я люблю, чтобы полы были ровными.

На этот раз Симон рассмеялся. Возможно, когда-нибудь он сможет полюбить эту девушку. Ему тоже нравились ровные полы.

Глава 7

– Я знал твоего отца, – сказал Йоханнес Халден.

На улице шел дождь. Весь день было тепло и солнечно, но высоко в небе собрались тучи и пролились на город легким летним дождем. Он помнил, как это было. Как маленькие капли мгновенно становились теплыми, касаясь нагретой солнцем кожи. Как они поднимали с асфальта запах пыли. Помнил запах цветов, травы и листвы, который сводил его с ума, вызывал тошноту и возбуждение. Молодость, эх, молодость.

– Я был его стукачом, – сказал Йоханнес.

Сонни сидел в темноте у дальней стены, лицо его невозможно было рассмотреть. В распоряжении Йоханнеса имелось не так много времени: скоро двери камер запрут на ночь.

Он вздохнул, потому что сейчас ему предстояло самое трудное – сказать то, что он и боялся и хотел сказать, произнести предложение, слова из которого так долго сидели у него в груди, что он опасался, как бы не приросли к ней навечно.

– Это неправда, Сонни. Он не застрелился.

Вот. Вот оно и произнесено. Тишина.

– Ты не спишь, Сонни?

Он увидел два белых мигающих глаза.

– Я знаю, что пришлось пережить тебе и твоей матери. Найти тело отца. Прочитать записку, в которой он написал, что он – крот в полиции, помогавший торговцам героином и рабами. Что он информировал их о рейдах, уликах, подозреваемых...

Йоханнес увидел, как тело Сонни начало раскачиваться в полумраке.

– Но все было наоборот, Сонни. Твой отец напал на след крота. Я подслушал, как Нестор по телефону говорил своему боссу, что им надо избавиться от полицейского по фамилии Лофтхус, прежде чем он им испортит все дело. Я рассказал твоему отцу, что он в опасности, что полиция должна что-то предпринять. Но твой отец ответил, что не может втягивать других, что ему придется работать над этим делом в одиночку, ведь некоторые полицейские находятся на содержании у Нестора. Он заставил меня поклясться, что я буду молчать и никогда не скажу об этом ни одной живой душе. И до сих пор я держал это обещание.

Понял ли он? Может, и нет, но важнее не то, что парень услышал его, не последствия его слов, а то, что он выговорился. Рассказал. Важным было само действие: он оставил свою тайну там, где ей было место.

– В те выходные твой отец был один, вы с мамой поехали за город на соревнования по борьбе. Он знал, что они придут, и окопался в вашем желтом доме в Тосене.

Йоханнесу показалось, он что-то заметил в темноте. Изменение пульса и дыхания.

– Однако Нестору и его людям все-таки удалось проникнуть внутрь. Они не хотели шумихи вокруг убийства полицейского, поэтому заставили твоего отца написать ту записку о самоубийстве. – Йоханнес сглотнул. – Взамен они пообещали не трогать тебя и твою мать. Потом они застрелили его в упор из его собственного пистолета.

Йоханнес закрыл глаза. Стояла полная тишина, но ему казалось, что прямо ему в ухо кто-то кричит, а грудь и горло сдавило. В последний раз он испытывал такое много-много лет назад. Господи, когда же он плакал? Когда у него родилась дочь? Но сейчас он не мог остановиться, ему надо было завершить начатое.

– Ты, наверное, гадаешь, как же Нестор попал в дом.

Йоханнес задержал дыхание. Ему почудилось, что и парень перестал втягивать в себя воздух: он слышал только биение крови в ушах.

– Кто-то видел, как я разговаривал с твоим отцом, а Нестор считал, что полиции слишком повезло с поимкой сразу двух его машин за последнее время. Я отпирался, уверял, что просто

немного знаком с твоим отцом и что он пытался выудить у меня сведения. Нестор сказал, что, если твой отец считает меня потенциальным стукачом, я смогу подойти к двери его дома и заставить его открыть мне. Он сказал, что так я докажу свою преданность...

Другой человек снова начал дышать. Быстро. Тяжело.

– Твой отец открыл. Своему стукачу ведь доверяешь, правда?

Он ощутил движение, но ничего не слышал и не видел до тех пор, пока не получил удар. И, лежа на полу, он чувствовал металлический привкус крови от скользнувшего в глотку зуба, слышал истошный вопль парня, звук открывающейся двери, крик надзирателя, звук ударов, звон наручников. Он думал о том, насколько быстрым, точным и сильным был удар этого торчка. И еще он думал о прощении. О прощении, которого он не получил. И о времени. О бегущих секундах. О приближающейся ночи.

Глава 8

Больше всего в «порше-кайене» Арильд Франку нравился звук. Или, вернее, отсутствие звука. Двигатель V8 емкостью 4,8 литра издавал такой же звук, как швейная машинка матери во времена его детства, когда они жили в Станге, недалеко от города Хамар. И тот звук тоже был звуком тишины. Звуком молчания и сосредоточенности.

Дверь со стороны пассажирского сиденья открылась, и в салон ввалился Эйнар Харнес. Франк не знал, где молодые ослоские адвокаты покупают свои костюмы, но явно не в тех магазинах, куда ходил он сам. Кроме того, он никогда не понимал, зачем нужны светлые костюмы. Костюм должен быть темным, и стоять он должен меньше пяти тысяч крон. Разницу в стоимости костюма Харнеса и его собственного лучше было бы положить на сберегательный счет, подумав о будущих поколениях, которым придется обеспечивать свои семьи и дальше строить страну. Или о ранней и приятной пенсии. Или о «порше-кайене».

– Слышал, его перевели в изолятор, – произнес Харнес, когда автомобиль начал движение от края тротуара перед входом в адвокатскую контору «Харнес и Фаллбаккен».

– Он избил другого заключенного, – ответил Франк.

Харнес поднял ухоженную бровь:

– Ганди подрался?

– Невозможно знать наверняка, что сделает наркоман. Но он четыре дня не принимал наркотиков, поэтому, думаю, будет очень сговорчивым.

– Да, я слышал, дело касалось его семьи.

– Что именно вы слышали? – Франк просигналил медленной «королле».

– Только то, что известно всем. Есть что-то еще?

– Нет.

Арильд Франк втиснулся перед кабриолетом «мерседес». Вчера он заходил в изолятор. В камере только что убрали рвоту. Парень сидел в углу, скрючившись под шерстяным одеялом.

Франк никогда не был знаком с Абом Лофтхусом, но знал, что сын пошел по стопам отца. Как и отец, он занимался борьбой и стал настолько многообещающим спортсменом, что газета «Афтенпостен» прочила ему карьеру в национальной сборной. А теперь он сидит в вонючей камере, дрожит как осиновый листок и всхлипывает, как девчонка. В отходняке все мы одинаковые.

Они остановились у будки охраны, Эйнар Харнес предъявил удостоверение, и шлагбаум открылся. «Порше-кайен» припарковался на своем обычном месте. Франк и Харнес прошли через главный вход, где Харнеса зарегистрировали. Обычно Франк проводил Харнеса через дверь раздевалки, чтобы избежать регистрации. Он не хотел давать повод для пересудов о том, почему адвокат с репутацией Харнеса так часто посещает Гостюрьму.

Допросы заключенных обычно проводились в Полицейском управлении, но на этот раз Франк попросил разрешения сделать это в тюрьме, поскольку заключенный находился в изоляторе.

Одну из свободных камер убрали и приготовили для допроса. У стола сидели полицейский и полицейская в штатском. Франк уже видел их раньше, но не помнил фамилий. Человек, находившийся по другую сторону стола, был настолько бледным, что почти сливался с белоснежной стеной камеры. Голова его свесилась на грудь, а руки вцепились в краешек стола, как будто комната кренилась.

– Ну что, Сонни, – оживленно сказал Харнес, опуская руку на плечо парня. – Ты готов?

Сотрудница полиции кашлянула:

– Кажется, он уже закончил.

Харнес едва заметно улыбнулся ей и поднял бровь:

– Что вы имеете в виду? Вы ведь не начали допрос без присутствия адвоката?

– Он сказал, что ему необязательно дожидаться вас, – сказал полицейский.

Франк посмотрел на заключенного и почувствовал неладное.

– Значит, он уже сознался? – вздохнул Харнес, открыл портфель и вынул несколько скрепленных листов бумаги. – Если хотите взять письменные показания, то...

– Все наоборот, – сказала сотрудница полиции. – Он только что сообщил, что не имеет никакого отношения к убийству.

В камере стало так тихо, что Франк услышал пение птиц на улице.

– Что он сказал? – Бровь Харнеса поднялась почти до кромки волос.

Франк не знал, что его злило больше: выщипанные брови адвоката или замедленная реакция на надвигавшуюся катастрофу.

– А еще что-нибудь он сказал? – спросил Франк.

Полицейская посмотрела на помощника начальника тюрьмы, потом на адвоката.

– Все в порядке, – произнес Харнес. – Я хотел, чтобы он присутствовал при допросе, на случай если вам потребуются сведения об отпуске.

– Да, я лично выписал ему отпуск, – сказал Франк. – В то время ничто не предвещало, что он закончится так трагически.

– Но мы не знаем, насколько трагически он закончился, – возразила сотрудница полиции. – Признания у нас нет.

– Однако улики... – выпалил Арильд Франк и так же резко остановился.

– Что вам известно об уликах? – спросил полицейский.

– Я просто предположил, что они у вас есть, – ответил Франк. – Поскольку он является подозреваемым по этому делу. Разве не так, господин...

– Старший инспектор Хенрик Вестада, – ответил полицейский. – В первый раз Лофтхуса допрашивал тоже я. Он изменил показания. Он считает, что у него даже имеется алиби на момент убийства. Свидетель.

– У него есть свидетель, – подтвердил Харнес и посмотрел на своего молчаливого клиента. – Надзиратель, который сопровождал его в отпуске. И этот свидетель утверждает, что Лофтхус исчез в...

– Другой свидетель, – перебил его Вестада.

– И кто же? – фыркнул Франк.

– Он говорит, что это человек по имени Лейф.

– Лейф, а как дальше?

Все посмотрели на длинноволосого парня, который не слушал их и не смотрел на них.

– Этого он не знает, – сказал Вестада. – Он говорит, что они всего лишь поболтали несколько секунд на придорожной стоянке у дороги. Лофтхус утверждает, что свидетель был за рулем синей «вольво» с наклейкой «I love Drammen»³. Ему показалось, что свидетель болен, вероятно, что-то с сердцем.

Франк рассмеялся лающим смехом.

– Я думаю, – произнес Эйнар Харнес с деланным спокойствием и убрал бумаги обратно в папку, – что на этом мы остановимся. Я должен проконсультироваться со своим клиентом.

Франк часто смеялся, когда был зол. И сейчас ярость кипела в его голове, как вода в чайнике, и ему приходилось прикладывать большие усилия, чтобы вновь не расхохотаться. Он уставился на так называемого клиента. Парень, наверное, сошел с ума. Сначала ударил старика Халдена, теперь это. Видимо, героин все-таки прогрыз дыру в его мозгу. Но он не развалит это дело: слишком многое стояло на кону. Франк сделал глубокий вдох и услышал воображаемый

³ Я люблю Драммен (англ.).

щелчок, какой раздается при отключении чайника. Надо держать голову в холоде, здесь просто потребуется немного времени. Отходянку надо дать немного времени.

Симон стоял на мосту Саннербруа и смотрел на воду в восьми метрах под собой. Было шесть часов вечера, и Кари Адель только что спросила его о правилах учета сверхурочных в убийном отделе.

– Понятия не имею, – ответил Симон. – Поговори с начальником отдела кадров.

– Видите что-нибудь внизу?

Симон покачал головой. За листвою деревьев на восточном берегу реки он мог различить тропинку, которая шла вдоль берега вплоть до нового здания Оперы у фьорда. На скамейке у тропинки сидел мужчина и кормил голубей. Пенсионер, подумал Симон. Так ведут себя люди, когда выходят на пенсию. На западной стороне реки находился современный жилой квартал, окна и балконы которого выходили на реку и мост.

– И что мы здесь делаем? – поинтересовалась Кари, нетерпеливо притопывая ногой.

– Ты куда-то торопишься? – спросил Симон, оглядываясь по сторонам.

Мимо неспешно проезжали редкие автомобили; улыбчивый попрошайка поинтересовался, не разменяют ли они бумажку в двести крон; парочка в дизайнерских солнцезащитных очках и с коляской, в сетке которой лежал одноразовый гриль, смеялась, проходя рядом с ними. Симон любил Осло во время всеобщих отпусков, когда город пустел и вновь принадлежал только ему. Осло превращался в разросшийся поселок, в котором он вырос, где ничего не происходило, а все происходившее было наполнено смыслом. Город, который был ему понятен.

– Друзья пригласили нас на ужин.

Друзья, подумал Симон. У него тоже когда-то были друзья. Куда они все подевались? Может быть, то же самое они думали о нем. Куда он подевался? Он не знал, способен ли дать им нормальный ответ. Глубина реки наверняка была не больше полутора метров. Кое-где из воды торчали камни. В отчете о вскрытии сказано, что свои раны жертва получила при падении с определенной высоты, и это не противоречило перелому шеи, который явился непосредственной причиной смерти.

– Мы стоим здесь, потому что мы осмотрели всю реку вверх и вниз по течению и это единственное место, где мост достаточно высок, а река достаточно мелка, чтобы падающий человек мог настолько сильно удариться о камни. Кроме того, это ближайший к пансиону мост.

– К общежитию, – поправила его Кари.

– Ты бы решилась совершить здесь самоубийство?

– Нет.

– Ну, я хотел сказать, если бы ты вообще решилась на самоубийство.

Кари прекратила постукивать ногой и посмотрела вниз через перила:

– Я бы выбрала что-нибудь повыше. Здесь слишком много шансов на выживание. Слишком много шансов оказаться в инвалидном кресле.

– Значит, ты не стала бы сталкивать человека с этого моста, если бы хотела его убить?

– Нет, наверное, – зевнула она.

– Тогда мы будем искать того, кто свернул Перу Воллану шею, а потом сбросил отсюда в реку.

– А-а, это то, что вы называете гипотезой.

– Нет, это то, что *мы* называем гипотезой. Насчет ужина...

– Да?

– Тебе стоит позвонить своему жениху и сказать, что он не состоится.

– Вот как?

– Нам предстоит опрос потенциальных свидетелей. Ты можешь начать с квартир, балконы которых выходят на реку. А потом мы прочедем архивы в поисках потенциального сворачивателя шей. – Симон закрыл глаза и втянул в себя воздух. – Ну разве летний Осло не прекрасен?

Глава 9

Эйнар Харнес никогда не ставил себе цель спасти мир. Только маленькую его часть. А еще точнее, свою часть. Он изучал юриспруденцию. Только маленькую ее часть. А еще точнее, только ту, которая требовалась для сдачи экзамена. Его приняли на работу в адвокатскую контору, находившуюся в самом низу списка адвокатских контор Осло. Он проработал в ней достаточно долго, получил лицензию и открыл собственное бюро вместе с выпивающим престарелым адвокатом Эриком Фаллбаккеном. И вместе они оказались в самом низу списка. Они брались за всякие невозможные дела, проиграли их все, но каким-то образом умудрились заработать себе репутацию защитников самых несчастных членов общества. Наличие подобной клиентуры вело к тому, что адвокатская контора «Харнес и Фаллбаккен» обычно получала свои гонорары – если вообще получала – в дни выплаты социальных пособий. Эйнар Харнес рано понял, что работает не в сфере правосудия, а представляет собой более дорогую альтернативу взыскателям долгов, социальной службе и гадалкам. Он угрожал исками тем, за угрозы кому ему платили, принимал на работу самых безнадёжных сотрудников на минимальную зарплату, а на встречах с потенциально платежеспособными клиентами всегда без исключений обещал победу в суде. Но у него имелся один клиент, благодаря которому его контора до сих пор оставалась на плаву. У этого клиента не было собственной папки в конторском архиве, если полный хаос в шкафах секретарши, большую часть рабочего времени проводившей на больничном, вообще можно назвать архивом. Но этот клиент был надёжным плательщиком, платил чаще всего наличными и не требовал выставления счета. За эти часы он тоже вряд ли попросит выставить счет.

Сонни Лофтхус сидел на койке, скрестив ноги. Глаза его светились белым отчаянием. С момента знаменитого допроса прошло шесть дней, и они были нелегкими для парня. Однако он продержался дольше, чем они рассчитывали. Донесение другого заключенного, с которым Харнес поддерживал контакт, было примечательным. Сонни не пытался раздобыть наркотики, более того, он отказался от предложенных ему спида и травки. Его видели в тренажерном зале, где он провел на беговой дорожке два часа, а потом час занимался поднятием тяжестей. А ночью из его камеры доносился крик. Но он держал форму. И это парень, двенадцать лет сидевший на тяжелых наркотиках. Такое, насколько было известно Харнесу, удавалось сделать лишь тем, кто заменил наркотики на нечто столь же сильное, способное стимулировать и мотивировать так же, как и эффект от укола. И список подобных вещей не был длинным. Религиозное откровение, влюбленность, рождение детей. Вот и все. Иными словами, у человека могла появиться цель, придававшая всей жизни новый смысл. Но это могло быть и последним глотком воздуха утопающего, который затем камнем идет ко дну. Единственное, в чем Эйнар Харнес был уверен, – это в том, что его клиенту требовались ответы. Нет, не ответы. Результаты.

– У них есть улики, так что тебя будут судить и осудят независимо от того, сознаешься ты или нет. Так зачем же продлевать мучения, когда в этом нет необходимости?

Ответа не последовало.

Харнес так сильно дернул свою зачесанную назад челку, что черепу стало больно.

– Я могу доставить сюда пакетик супербоя в течение часа, в чем проблема? Все, что мне нужно, – это подпись вот здесь. – Он постучал указательным пальцем по трем листкам бумаги формата А4 на крышке лежащего у него на коленях «дипломата».

Парень попытался смочить сухие потрескавшиеся губы языком, таким белым, что Харнес подумал, не выделяет ли он соль.

– Благодарю. Я основательно обдумаю ваше предложение.

«Благодарю»? «Основательно обдумаю»? Он предлагает наркотики несчастному наркоману в ломке! Этот тип что, отменил силу тяготения?

– Слушай, Сонни...

– И спасибо за визит.

Харнес покачал головой и поднялся. Парню долго не протянуть. Он подождет еще денек. Дождется конца времени чудес.

Надзиратель провел адвоката через все двери и шлюзы, и когда он стоял в приемной и просил заказать ему такси, он думал о том, что скажет тот клиент. Или, точнее, что тот клиент *сделает*, если Харнес не спасет мир.

Точнее, свою часть мира.

Гейр Голдсруд склонился к монитору компьютера.

– Какого черта он делает?

– Кажется, он хочет с кем-нибудь поговорить, – ответил один из надзирателей в контрольном помещении.

Голдсруд взглянул в парня. Длинная борода свешивалась на его обнаженную грудь. Он встал на стул перед одной из камер слежения и стучал по ней костяшкой указательного пальца, произнося неслышимые слова.

– Финстад, ты пойдешь со мной, – сказал Голдсруд, поднимаясь.

Они прошли мимо намывавшего коридор Йоханнеса. Эта сцена что-то напомнила Голдсруду, может быть, эпизод из фильма. Они спустились по лестнице на первый этаж, заперли за собой дверь, миновали общую кухню, вошли в коридор и увидели Сонни, сидящего на стуле, на котором он только что стоял.

По торсу и рукам молодого человека Голдсруд понял, что тот только что вернулся из тренажерного зала: под кожей четко проступали мускулы и вены. Он слышал, что некоторые тяжелые наркоманы качали руки перед тем, как сделать укол. Амфетамины и всяческие «колеса» находились в тюрьмах в обороте, но Гостюрьма была одним из немногих, если не единственным учреждением, где существовал определенный контроль за поставками героина. И все же Сонни, похоже, никогда не испытывал проблем с тем, чтобы раздобыть необходимое. Никогда, но только не сейчас. По тому, как парня колотило, Голдсруд понял, что он некоторое время оставался без своего лекарства. Неудивительно, что парень находился в отчаянии.

– Помогите мне, – прошептал Сонни, когда заметил их приближение.

– Конечно, – ответил Голдсруд, подмигивая Финстаду. – Две тысячи за четверть.

Он пошутил, но ему показалось, будто Финстад не совсем уверен в том, что это шутка.

Сонни покачал головой. Даже мышцы его горла и шеи были напряжены. Голдсруд вроде бы слышал, что парень когда-то считался многообещающим борцом. Может, и правду говорят, что мышцы, которые человек натренирует до достижения двенадцати лет, потом можно за пару недель восстановить в любой момент жизни.

– Заприте меня.

– Мы не запираем двери до десяти часов, Лофтхус.

– Пожалуйста.

Голдсруд удивился. Случалось, заключенные просили запереть их в камерах, когда они кого-нибудь боялись. То ли на самом деле, то ли нет. Страх – обычный спутник преступной жизни. Или наоборот. Но Сонни совершенно точно был единственным пленником Гостюрьмы, у кого не было ни одного врага среди заключенных. Напротив, они обращались с ним, как со священной коровой. И он никогда не показывал признаков страха, его психика и физическая форма позволяли ему переносить употребление наркотиков лучше, чем большинству наркоманов. Так почему же...

Парень почесал корку на месте уколов на предплечье, и тогда Голдсруда осенило. Все ранки покрылись коркой. На руках не было свежих следов от уколов. Сонни завязал и поэтому

хотел, чтобы его заперли. Его мучила жажда и осознание факта, что он возьмет первое, что ему предложат, неважно, что это будет.

– Пошли, – сказал Голдсруд.

– Подвинешь ноги, Симон?

Симон поднял взгляд. Старая уборщица была настолько маленькой и скрюченной, что голова ее едва виднелась над тележкой с инвентарем. Она убирала в Полицейском управлении уже в те времена, когда Симон однажды в прошлом тысячелетии пришел туда на работу. У этой женщины имелось свое мнение по любому вопросу. Саму себя, как и всех своих коллег вне зависимости от пола, она называла «уборщицей».

– Привет, Сиссель. Уже?

Симон посмотрел на часы. Перевалило за четыре. Норвежский рабочий день официально закончился. Да, Закон о труде практически приказывал ему идти домой ради блага народа и отчизны. Обычно он на это плевал, но сейчас все изменилось. Он знал, что его ждет Эльсе, что несколько часов назад она начала готовить ужин, а когда он придет домой, она станет утверждать, что приготовила все на скорую руку, и выразит надежду, что он не заметит беспорядка, грязи и других доказательств дальнейшего ухудшения ее зрения.

– Давненько ты со мной не курил, Симон.

– Я перешел на жевательный табак.

– Молодуха тебя заставила. Детей еще нет?

– На пенсию еще не вышла, Сиссель?

– Я думаю, что у тебя где-то уже есть малец, да, и поэтому ты больше не хочешь детей.

Симон улыбнулся, глядя, как она проходится шваброй под его ногами, и снова задумался, как маленькому тельцу Сиссель Тоу удалось произвести на свет такого большого отпрыска. Ребенка Розмари. Он убрал бумаги. Дело Воллана отложили. Жилыцы квартала у моста Саннербруа ничего не видели, других свидетелей не появилось. До тех пор, пока у них не будет уверенности в том, произошло ли что-то криминальное, они не могут отдавать приоритет этому делу, – вот что сказал начальник отдела и попросил Симона посвятить несколько следующих дней переработке отчетов по двум раскрытым убийствам, так как их отдел получил выволочку от прокурора, назвавшего эти отчеты «хилыми». Она не нашла формальных ошибок, а просто просила «немного углубиться в детали».

Симон отключил компьютер, накинул куртку и направился к двери. Все еще работали по летнему времени, то есть те, кто не был в отпуске, уходили с работы в три, поэтому в открытом офисном пространстве лишь изредка слышалось постукивание клавиш. Старые перегородки пахли разогретым на солнце клеем. За одной из них он увидел Кари. Она сидела, положив ноги на стол, и читала книгу. Он заглянул к ней:

– Сегодня нет ужина с друзьями?

Она машинально захлопнула книгу и посмотрела на него со смешанным чувством раздражения и стыда. Симон бросил взгляд на название книги: «Корпоративное право». Кари прекрасно знала, что у нее нет никакого повода испытывать угрызения совести, сидя на работе и читая книгу из университетской программы, поскольку более важного дела для нее никто не нашел. Такова специфика убойного отдела: нет убийства – нет работы. И Симон сделал вывод, что она покраснела от стыда, поскольку осознавала, что университетский экзамен заберет ее отсюда и она не оправдает надежд работодателя. А раздражение было вызвано тем, что, даже зная о том, что в принципе у нее нет никакого повода испытывать угрызения совести, она захлопнула книгу при его появлении.

– Сэм проводит выходные на западном побережье, занимается серфингом. А я решила почитать здесь, а не дома.

Симон кивнул:

- Работа полицейского не всегда увлекательна. Даже в убийном отделе.
- Тогда почему вы стали следователем по раскрытию убийств?

Она сбросила туфли и поджала босые ноги под себя. Как будто ждет подробного ответа, подумал Симон. Возможно, она относится к тем людям, которые предпочитают любую компанию одиночеству, которые лучше будут торчать в почти пустом офисе в надежде с кем-нибудь пообщаться, чем сидеть в полном покое в собственной гостиной.

– Хочешь – верь, хочешь – не верь, но это был протест, – ответил Симон, присаживаясь на край стола. – Мой отец был часовщиком и хотел, чтобы я продолжил его дело. А я не желал становиться бледной копией отца.

Кари обвила руками длинные ноги, похожие на лапки насекомого:

- Вы когда-нибудь жалели об этом?

Симон посмотрел в окно. Из-за жары воздух на улице дрожал.

- Люди богатели, торгуя часами.

– Только не мой отец, – ответил Симон. – Он тоже не любил подделки. Он отказывался следовать моде и продавать дешевые подделки и пластиковые электронные часы. Он считал это путем наименьшего сопротивления. Он красиво обанкротился.

- Вот как. Тогда я понимаю, почему вы не захотели стать часовщиком.

- Ну, я все равно в какой-то степени стал часовщиком.

- Как это?

– Криминалист. Эксперт по баллистике. Траектория пуль и все такое. Это почти то же самое, что сидеть и подкручивать винтики в часах. Наверное, мы больше похожи на наших родителей, чем нам бы хотелось.

- И что случилось? – Кари улыбнулась. – Вы обанкротились?

– Как сказать. – Он бросил взгляд на часы. – Меня стал больше интересовать вопрос почему, а не как. Не знаю, хороший ли выбор я сделал, став следователем-тактиком. Пули и раны не так беспокоят, как человеческий разум.

- Перешли в Экокрим?⁴

- Ты прочитала мою биографию.

– О людях, с которыми тебе предстоит работать бок о бок, стараешься узнать побольше. Вам надоели кровь и убийства?

– Нет, но я боялся, что они надоедят Эльсе, моей жене. Когда я женился на ней, я пообещал стараться соблюдать рабочее время и сделать свои будни менее пугающими. Мне нравилось в Экокриме, там тоже было немного похоже на работу часовщика. Кстати, о жене... – Он поднялся со стола.

- Почему же вы ушли из Экокрина, если вам там так нравилось?

Симон устало улыбнулся. Вот об этом в его биографии вряд ли написано.

- Лазанья. Думаю, она готовит лазанью. Увидимся завтра.

– Кстати, мне звонил бывший коллега. Он сказал, что видел одного наркомана, разгуливающего в воротничке священника.

- Воротничке священника?

- Таком же, как у Пера Воллана.

- И что ты сделала?

Кари снова раскрыла книгу:

- Ничего. Я сказала ему, что дело прекращено.

– Дело не имеет приоритета до тех пор, пока не появятся новые сведения. Как зовут наркомана и где он обитает?

- Гилберг. В пансионе.

⁴ Отдел по расследованию экономических преступлений.

– В общежитии. Как насчет того, чтобы ненадолго прервать чтение?

Кари со стуком захлопнула книгу:

– А как насчет лазаньи?

Симон пожал плечами:

– Да никак. Позвоню Эльсе, она поймет. А подогретая лазанья еще и вкуснее.

Глава 10

Йоханнес вылил воду из ведра в сточную раковину и поставил швабру в кладовку. Он вымыл все коридоры второго этажа плюс контрольное помещение, и теперь ему хотелось почистить оставленную в камере книгу. «Снега Килиманджаро». В книге было несколько рассказов, но он снова и снова перечитывал только этот. О мужчине, заболевшем гангреной. Он знает, что умрет. И это знание не делает его ни лучше, ни хуже, а только более здравомыслящим, более честным и менее терпеливым. Йоханнес никогда не отличался любовью к чтению, эту книгу ему дал тюремный библиотекарь, и поскольку Йоханнес интересовался Африкой с тех времен, когда ходил вдоль Берега Слоновой Кости и Либерии, он прочитал несколько страниц об этом совершенно невинно пострадавшем, но все же умирающем в палатке посреди саванны мужчине. В первый раз он просто пролистал рассказ. Теперь же он читал медленно, слово за словом, в поисках чего-то, что он сам не мог определить.

– Привет.

Йоханнес повернулся.

Приветствие Сонни прозвучало хрипло, а сам он, стоявший перед Йоханнесом со впалыми щеками и горящим взором, был таким бледным, что казался прозрачным. Как ангел, подумал старик.

– Здравствуй, Сонни. Слышал, ты был в изоляторе. Как дела?

Сонни пожал плечами.

– У тебя хороший левый джеб⁵, парень. – Йоханнес осклабился и указал на дыру рядом с передними зубами.

– Надеюсь, ты сможешь меня простить.

Йоханнес сглотнул:

– Прощение нужно мне, Сонни.

Они стояли и смотрели друг на друга. Йоханнес заметил, как Сонни украдкой оглядывает коридор. Он ждал.

– Ты мог бы сбежать за меня, Йоханнес?

Йоханнес задумался, перебирая в голове эти слова в надежде увидеть в них смысл, а потом спросил:

– Что ты имеешь в виду? Я не собираюсь бежать. К тому же бежать мне некуда, меня моментально поймают и приведут обратно.

Сонни не отвечал, но во взгляде его сквозило полное отчаяние, и тут Йоханнеса озарило:

– Ты хочешь... ты хочешь, чтобы я выбрался отсюда и добыл тебе дозу?

Сонни по-прежнему не отвечал, глядя в глаза старику диким, яростным взглядом. Бедный мальчишка, подумал Йоханнес. Чертов героин.

– Почему ты обратился именно ко мне?

– Потому что ты единственный, у кого есть доступ в контрольное помещение, и ты можешь это сделать.

– Нет, я единственный, у кого есть доступ в контрольное помещение, и я знаю, что это сделать невозможно. Двери можно открыть только пальцем, отпечаток которого есть в компьютерной базе. А моего отпечатка там нет, милый мой. И он туда не попадет, если я не получу резолюцию на заявлении в четырех экземплярах. Я видел...

– Все двери можно закрыть и открыть из контрольного помещения.

Йоханнес покачал головой и огляделся, удостоверившись, что в коридоре, кроме них двоих, по-прежнему никого нет.

⁵ Длинный прямой удар рукой в боксе.

– Даже если выйти из здания, у выезда с парковки сидит охранник. Он проверяет документы у всех, кто входит и выходит.

– Абсолютно у всех?

– Да. За исключением времени смены дежурных утром, днем и вечером, тогда знакомые машины и лица пропускают без проверки.

– И возможно, людей в форме надзирателей?

– Наверняка.

– А что, если ты раздобудешь себе форму надзирателя и сбежишь в пересменку?

Йоханнес коснулся подбородка большим и указательным пальцем. Челюсть все еще побаливала.

– А где я возьму форму?

– В шкафчике Сёренсена в раздевалке. Ты легко взломаешь его отверткой.

Сёренсен, один из надзирателей, второй месяц сидел на больничном. Нервный срыв. Йоханнес знал, что сейчас это называется как-то иначе, но смысл тот же: чертов клубок чувств. Он испытал это на себе.

Йоханнес покачал головой:

– В пересменку там полно других надзирателей, они меня узнают.

– Измени внешность.

Йоханнес рассмеялся:

– И чем же я, старик, буду угрожать надзирателям?

Сонни поднял длинную белую рубашу и выудил из кармана брюк пачку сигарет. Он зажал сигарету пересохшими губами и чиркнул зажигалкой. Зажигалка имела форму пистолета. Йоханнес медленно кивнул:.

– Дело не в наркотиках. Ты хочешь, чтобы на свободе я сделал что-то другое, так ведь?

Сонни втянул пламя зажигалки в сигарету и выпустил дым. Он плотно зажмурил глаза.

– Сделаешь? – Этот теплый, мягкий голос.

– Ты отпустишь мне грехи? – спросил Йоханнес.

Арильд Франк заметил их, когда поворачивал за угол. Сонни Лофтхус положил руку на лоб Йоханнеса, стоявшего перед ним с опущенной головой и закрытыми глазами. Они были похожи на двух хреновых гомиков. Он видел их на мониторе в контрольном помещении, они стояли в коридоре и разговаривали. Иногда он жалел, что микрофоны установлены не во всех камерах, потому что по бдительным взглядам заключенных он видел, что они беседуют не о лотерейном билете. Потом Сонни вынул что-то из кармана. Он стоял спиной к камере, так что невозможно было сказать, что именно, но потом Франк увидел поднимающийся у него над головой табачный дым.

– Эй! Попрошу не курить в моей тюрьме, спасибо!

Седая голова Йоханнеса вскинулась вверх, рука Сонни упала вниз.

Франк подошел к ним, указывая большим пальцем себе за спину:

– Иди вымой что-нибудь, Халден.

Франк подождал, пока старик отойдет на достаточное расстояние.

– О чем вы говорили?

Сонни пожал плечами.

– Ах да, ты же давал подписку о неразглашении. – Арильд Франк засмеялся лающим смехом. Звук его смеха метался от стены к стене в коридоре. – Ну что, Сонни, ты передумал?

Молодой человек затушил сигарету о пачку, убрал и то и другое в карман и почесал руку.

– Чешется?

Парень не ответил.

– Мне кажется, есть вещи похуже чесотки. Есть вещи и похуже ломки. Слышал о заключенном из сто двадцать первой? Думают, что он повесился на крючке от светильника. Но, отбросив от себя стул, пожалел о том, что сделал, и поэтому расцарапал себе горло. Как же его звали? Гомес? Диас? Он работал на Нестора. Были опасения, не стукач ли он. Никаких доказательств, только обеспокоенность. И этого оказалось достаточно. Ну разве не странно, лежа на койке посреди ночи, думать о том, что ты сейчас в тюрьме и больше всего боишься того, что дверь в твою камеру *не* заперта? Что кто-то в контрольном помещении одним нажатием кнопки позаботился о том, чтобы доступ к тебе получила целая тюрьма убийц?

Сонни склонил голову. Но Франк заметил у него на лбу капли пота. Парень образумится. Франк не любил, когда заключенные умирали в камерах его тюрьмы, от этого у кого-то всегда ползли вверх брови, вне зависимости от того, насколько правдоподобно все выглядело.

– Да.

Это прозвучало так тихо, что Франк автоматически нагнулся вперед.

– Да? – повторил он.

– Завтра. Вы получите признание завтра.

Франк сложил руки на груди и покачался на каблуках.

– Хорошо. Тогда завтра утром я привезу господина Харнеса. И на этот раз никаких чудачеств. А когда будешь ложиться спать, посмотри внимательно на крючок от светильника на потолке. Понятно?

Парень поднял голову и встретился взглядом с помощником начальника тюрьмы. Франк давно уже отверг утверждение, что глаза – это зеркало души: он видел слишком много честнейших глаз заключенных, которые изливали потоки лжи. Кроме того, само выражение было странным. *Зеркало души*? Логически это означало, что, глядя в глаза другому, человек видит свою собственную душу. Возможно. Неужели поэтому ему так неприятно встречаться взглядом с этим мальчишкой?

Франк отвернулся. Надо было сосредоточиться на важном, а не начинать задумываться над тем, что ведет в никуда.

– Там привидения, вот почему.

Грязными пальцами Ларс Гилберг поднес ко рту тонкий хабарик и прищуренными глазами посмотрел на двоих полицейских, склонившихся над ним.

Симон и Кари потратили три часа на то, чтобы обнаружить его здесь, под мостом Грюнербруа. Они начали разгадывать ребус с пансиона «Ила», где Гилберга не видели уже больше недели, продолжили в благотворительном кафе на улице Шиппергата, на Плате у Центрального вокзала, где по-прежнему, как на рынке, торговали наркотиками, в социальном центре Армии спасения на улице Уртегата, откуда их направили к реке у Лося – у скульптуры, обозначающей границу между спидом и героином. По дороге Кари объяснила Симону, что в настоящее время торговлей амфетамином и метамфетамином вдоль реки на юг от Лося вплоть до моста Ватерланд занимаются албанцы и североафриканцы. Вокруг одной из скамеек, беспокойно переминаясь с ноги на ногу, стояли четверо сомалийцев в низко натянутых на лбы шапках. Один из них кивнул, взглянув на фотографию, которую им показала Кари, махнул рукой на север, в страну героина, и, подмигнув, спросил, не нужна ли им пара граммов кристаллов на дорожку. И все засмеялись вслед Симону и Кари, взбирающимся по тропинке наверх к мосту Грюнербруа.

– Ты не захотел жить в «Иле», потому что, по-твоему, там полно привидений?

– Не, мужик, не по-моему. Чертовы кости. В той комнате, блин, вообще нельзя было жить, она уже была занята, это сразу понимаешь, как зайдешь туда. Я мог проснуться посреди ночи, и там, конечно, никого не было, но я же знаю, что секунду назад кто-то стоял и дышал мне в лицо. И такое творилось не только в моей комнате, спроси у других жильцов. – Гилберг неодобрительно посмотрел на докуранный хабарик.

– И ты решил разбить лагерь здесь? – спросил Симон, протягивая ему свою коробочку жевательного табака.

– Ну, привидения привидениями, а если честно, я не выношу, когда меня запирают в таких крохотных комнатах. А это... – Гилберг махнул в сторону подстилки из газет и дырявого спальника, валяющегося неподалеку, – чудесное местечко летом. – Он показал рукой на мост. – Потолок не течет. Вид на воду. Никаких коммунальных расходов, близость к транспорту и магазинам. Чего еще можно желать?

Он взял три пакетика табака из коробки Симона, засунул один под верхнюю губу, а два других – в карман.

– И что, работаешь священником? – спросила Кари.

Гилберг склонил голову набок и, прищурившись, посмотрел на Симона.

– Она о воротничке, который ты носишь, – сказал полицейский. – Возможно, ты прочитал в своих утренних газетах, что недалеко отсюда вверх по реке был найден мертвый священник.

– Ничего не знаю.

Гилберг вынул пакетики табака из кармана и положил их обратно в коробку, которую протянул Симону.

– Криминалисты потратят ровно двадцать минут на то, чтобы доказать, что воротничок принадлежал тому священнику, Ларс. А тебе двадцать лет придется провести на зоне за убийство.

– Убийство? Про убийство ничего не...

– Значит, ты читаешь про происшествия? Он умер до того, как его сбросили в реку. Это видно по синякам на коже. Он ударился о камни, а синяки мертвого отличаются от синяков живого. Понимаешь?

– Нет.

– Хочешь объясню? Или объяснить тебе, какой крохотной покажется тюремная камера, в которую тебя запрут?

– Но я же не...

– Даже подозреваемые проводят по несколько недель в камере предварительного заключения. А она, если честно, еще меньше по размеру.

Гилберг задумчиво посмотрел на них и пару раз смачно обсосал пакетик табака.

– Что вы хотите?

Симон опустил перед Гилбергом на корточки. У бездомного нет запаха, у него есть вкус. Сладкий гнилой вкус опавших фруктов и смерти.

– Мы хотим, чтобы ты рассказал, что произошло.

– Я не знаю, говорю же вам.

– Ты ничего не рассказал, Ларс. Но кажется, для тебя это важно – молчать. Почему?

– Это просто воротничок. Его прибило к берегу и...

Симон поднялся и схватил Гилберга за руку:

– В таком случае пойдем.

– Подождите!

Симон отпустил его.

Гилберг опустил голову, тяжело дыша.

– Это были люди Нестора. Но я не могу... Ты знаешь, что Нестор делает с теми, кто...

– Да, я знаю. А ты знаешь, что он узнает обо всем, если тебя зарегистрируют в журнале допрошенных в Полицейском управлении. Поэтому предлагаю рассказать нам все, что тебе известно, прямо сейчас, и тогда я подумаю, можно ли не возить тебя на допрос.

Гилберг медленно покачал головой.

– Давай, Ларс!

– Я сидел на скамеечке под деревьями в том месте, где тропинка опускается под мост Саннербруа. Я находился метрах в десяти от моста, поэтому хорошо разглядел тех, кто на нем был. Не думаю, что они видели меня: сейчас, летом, там очень густая листва, так ведь? Их было двое, один держал священника, а другой взял в захват его голову. Я находился так близко, что видел белки глаз священника. Кстати, в его глазницах были только белки, зрачки закатились внутрь черепа, так ведь? Но он не издал ни звука. Как будто знал, что это бесполезно. А потом тот парень рванул его голову назад, как какой-нибудь мануальный терапевт. Я слышал хруст, я не шучу, похожий на хруст ветки под ногой. – Гилберг прижал указательный палец к верхней губе, два раза моргнул и уставился вдаль. – Потом я огляделся. Черт, они только что убили мужика прямо посреди моста, а выглядят совершенно спокойными. Но вот ведь удивительно, как пусто может быть в Осло посреди лета, да? А потом они перекинули его через каменную ограду в том месте, где заканчивается решетка.

– Сходится. Там как раз есть торчащие из воды камни, – сказала Кари.

– Он немного полежал на тех камнях, а потом его подхватило водой и потащило дальше. Я сидел тихо, как мышь, и не двигался. Если бы те типы поняли, что я видел их...

– Но ты их видел, – сказал Симон. – Ты сидел так близко, что мог бы опознать их, если бы снова увидел.

Гилберг покачал головой:

– Никаких шансов. Я их уже забыл. Вот в чем недостаток тех, кто ширяется всем, чем попало. С памятью становится очень плохо.

– Я думаю, ты хотел сказать «преимущество», – произнес Симон, проводя рукой по лицу.

– Однако ты знал, что эти типы работают на Нестора. – Кари нетерпеливо переминалась с ноги на ногу.

– Костюмы, – сказал Гилберг. – Они выглядят абсолютно одинаково, как будто сперли партию костюмов-двоек, предназначенных для Союза норвежских похоронных бюро. – Он потрогал пакетик табака языком. – Так ведь?

– Мы включим это дело в число приоритетных, – сказал Симон в машине по дороге в Полицейское управление. – Я хочу, чтобы ты проверила все передвижения Воллана за двое суток перед убийством и составила список всех, всех без исключения, с кем он вступал в контакт.

– Хорошо, – ответила Кари.

Они проехали мимо клуба «Бло» и остановились перед потоком молодых пешеходов. Хипстеры, идущие на концерт, подумал Симон и бросил взгляд на Кубу. Пока он рассматривал большой экран на открытой сцене, Кари позвонила отцу и сообщила, что не сможет прийти на ужин. На экране показывали черно-белый фильм. Пейзажи Осло. Похоже на пятидесятые. Он помнил эти пейзажи с детства. Для хипстеров такие кадры – всего лишь любопытный мир, что-то давно минувшее, но невинное и, вполне возможно, очаровательное. Он слышал смех.

– Меня интересует одна вещь, – сказала Кари, и Симон понял, что она уже закончила телефонный разговор. – Вы сказали, что Нестор узнает, если Гилберга приведут на допрос. Вы это серьезно?

– А ты как думаешь? – спросил Симон, давя на газ и направляясь к улице Хаусманна.

– Я не знаю, но мне показалось, что вы говорили серьезно.

– Я не знаю, серьезно или нет. Это долгая история. Многие годы ходили разговоры о том, что в полиции завелся крот, который напрямую докладывает обо всем одному человеку, управляющему почти всей наркоторговлей и торговлей людьми в Осло. Но это было давно, и хотя тогда об этом говорили все, никто не мог доказать, что крот и этот человек существуют на самом деле.

– А кто этот человек?

Симон посмотрел в боковое окно:

– Мы называли его Близнецом.

– Близнецом, – сказала Кари. – В отделе наркотиков о нем тоже говорили. Почти так же, как Гилберг говорил о привидениях в «Иле». А это реальное лицо?

– Да, Близнец вполне реальное лицо.

– А как насчет крота?

– Скажем так. Один человек, по имени Аб Лофтхус, совершил самоубийство и оставил после себя письмо, в котором признавался, что был кротом.

– Разве это не доказательство?

– Для меня – нет.

– Почему?

– Потому что Аб Лофтхус – самый неподкупный человек, когда-либо служивший в полиции Осло.

– Откуда вам это известно?

Симон остановился на красный сигнал светофора у улицы Стургата. Казалось, из окружающих фасадов домов начала сочиться тьма, а вместе с ней на улице появились ночные звери. Они ходили шаркающей походкой, стояли, прислонившись к стенам домов у дверей, из которых доносилась музыка, или сидели в машинах, выставив локти в боковые окна. Ищущие голодные взгляды. Охотники.

– Потому что он был моим лучшим другом.

Йоханнес посмотрел на часы. Десять минут одиннадцатого. Десять минут после закрытия. Остальные уже заперты в своих камерах, его же самого запрут вручную после завершения уборки в одиннадцать часов. Удивительное дело. Когда долго сидишь в тюрьме, дни начинают казаться минутами, а девочки с календарей, висящих в твоей камере, не успевают идти в ногу с месяцами. Но последний час показался ему годом. Долгим нехорошим годом.

Он вошел в контрольное помещение.

Сейчас здесь несли дежурство три человека, на одного меньше, чем обычно дежурят днем. Один из них отвернулся от мониторов, скрипнув стулом:

– Привет, Йоханнес.

Это был Гейр Голдсруд. Он ногой вытолкнул из-под стола мусорную корзину – движение, уже ставшее автоматическим. Молодой начальник смены помогает престарелому уборщику с больной спиной. Йоханнесу всегда нравился Гейр Голдсруд. Он вынул из кармана пистолет и нацелил его в лицо начальнику смены.

– Круто! Откуда это у тебя? – спросил другой надзиратель, светловолосый парень, игрок футбольной команды третьего дивизиона «Хасле/Лёрен».

Йоханнес не ответил. Он продолжал стоять, не отводя взгляда и дула пистолета от точки между глазами Голдсруда.

– Ну-ка дай мне прикурить! – Третий надзиратель взял в рот сигарету.

– Опустит его, Йоханнес.

Голдсруд говорил тихо, не моргая, и Йоханнес видел, что он все понял. Понял, что в руках у него не забавная зажигалка.

– Ну прямо порно в стиле Джеймса Бонда. Сколько хочешь за него? – Футболист поднялся и подошел к Йоханнесу, чтобы поближе рассмотреть пистолетик.

Йоханнес направил маленькое оружие на один из мониторов под потолком и нажал на курок. Он не знал, чего в точности ожидать, но в отличие от остальных не удивился, когда раздался хлопок, монитор взорвался и вниз посыпались осколки стекла. Футболист застыл.

– Лечь на пол!

Вообще-то, Бог наградил Йоханнеса звонким баритоном, однако сейчас голос его был тонким и визгливым, как у истеричной бабы.

Но это подействовало. Осознание того, что отчаянный человек стоит перед тобой со смертельным оружием в руках, производит больший эффект, чем командный голос. Все трое опустили на колени и сложили руки за головой заученным движением, как будто их долго учили, как себя вести, когда тебе угрожают пистолетом. А может, так и было, и их научили, что единственный выход – это следовать всем распоряжениям угрожающего. И наверняка при их зарплате это был единственный приемлемый выход.

– На пол! Морды в пол!

Они послушались. Как в сказке.

Йоханнес посмотрел на панель управления, нашел кнопку, открывавшую и запиравшую двери камер, и кнопку управления шлюзами и главными дверьми, и в конце – большую красную главную кнопку, отпиравшую абсолютно все двери. Этой кнопкой следовало пользоваться при пожаре. Ее он и нажал. Длинный гудок сообщил, что тюрьма открыта. Внезапно Йоханнесу пришла в голову удивительная мысль: наконец-то он находится там, где всегда мечтал. На мостике, как капитан корабля.

– Смотреть в пол, – сказал он. Голос стал лучше. – Если кто-нибудь из вас попробует меня остановить, то я со своими поделщиками приду за вами и вашими семьями. Помните, что я все знаю о вас, парни. Трине, Валборг...

Он продолжал называть имена жен и детей, школы, в которых они учились, их хобби, адреса проживания, всю информацию, собранную за эти годы, – все это он исполнил речитативом, глядя на мониторы. Закончив, Йоханнес покинул контрольное помещение. Он побежал по коридору, потом вниз по лестнице на первый этаж. Дернул первую дверь. Открыто. Он побежал дальше по следующему коридору. Сердце уже тяжело стучало: он не занимался спортом, хотя следовало бы, ведь форму он совсем не поддерживал. Вот сейчас и начнет. Вторая дверь, тоже не заперта. Ноги больше не хотели бежать в том же темпе. Наверное, это из-за рака, наверное, он уже вгрызся в мускулатуру и ослабил ее. Третья дверь вела в шлюз. Шлюз представлял собой маленькую комнатку с решетчатыми дверями с обеих сторон. Одну дверь надо закрыть, прежде чем можно будет открыть вторую. Считая секунды, Йоханнес ждал, пока дверь позади него с тихим жужжанием отползет назад. Ему был виден коридор, ведущий к раздевалкам и личным шкафчикам. Когда он наконец услышал, как дверь захлопнулась, он схватился за дверную ручку перед собой, нажал ее вниз и потянул.

Заперто.

Черт! Он потянул еще раз. Дверь не сдвинулась.

Он посмотрел на белую пластину с сенсором у двери и прижал к ней указательный палец. Индикатор несколько секунд помигал желтым, потом погас, и зажглась красная лампочка. Йоханнес знал: это означает, что устройство не распознало отпечаток пальца, но все равно снова потянул за ручку. Заперто. Он проиграл. Он опустился на колени перед дверью. В тот же миг в комнате раздался голос Гейра Голдсруда:

– Прости, Йоханнес.

Голос доносился из динамика под потолком. Он был спокойным, почти утешительным.

– Это наша работа, Йоханнес. Если бы мы прекращали делать ее каждый раз, когда кто-то угрожает нашим семьям, в Норвегии не осталось бы ни одного тюремного надзирателя. Расслабься, мы сейчас придем и заберем тебя. Ты сам просунешь пистолет через решетку, Йоханнес, или хочешь, чтобы мы сначала напустили газу?

Йоханнес поднял глаза на камеру наблюдения. Видят ли они отчаяние на его лице? Или облегчение? Облегчение оттого, что здесь все закончилось, но жизнь все равно будет продолжаться, как и раньше. Почти как раньше. Теперь ему вряд ли доверят мыть полы на втором этаже.

Он протолкнул позолоченный пистолет между прутьями решетки, потом лег на пол, сложил руки за головой и скрючился, как оса, только что совершившая свой последний и единственный укус. Но когда он закрыл глаза, то не услышал воя гиен, он был не в самолете и не направлялся к вершине Килиманджаро. Он по-прежнему был нигде и по-прежнему жив. Он был здесь.

Глава 11

Стрелка часов только что перевалила за половину восьмого, и на парковку перед Гостюрмой хлынул утренний дождь.

– Это был всего лишь вопрос времени, – сказал Арильд Франк, придерживая дверь в раздевалку. – Те, кто одурманивает себя, – слабохарактерные люди. Я знаю, что это несовременный подход, но, поверь мне, я их немало повидал.

– До тех пор, пока он ставит свою подпись, мне все равно. – Эйнар Харнес собирался войти, но вынужден был посторониться, выпуская на улицу трех надзирателей. – Сегодня вечером я и сам собирался отпраздновать это несколькими бокалами одурманивающих средств.

– О, тебе так хорошо платят?

– Когда я увидел ваш автомобиль, то понял, что мне надо просить об увеличении гонорара. – Харнес с усмешкой кивнул в сторону «порше-кайена» на стоянке. – Я назвал это «надбавкой за грязь», а Нестор сказал...

– Тише! – Франк рукой преградил Харнесу путь, выпуская на улицу других сотрудников тюрьмы.

Большинство из них сменили форму на гражданскую одежду, хотя у некоторых не хватило времени переодеться: они так спешили домой после ночной смены, что бежали к оставленным на стоянке машинам прямо в зеленой форме сотрудников Гостюрмы. Харнес заметил острый взгляд человека, набросившего поверх формы длинное пальто. Он автоматически вспомнил, что уже видел это лицо раньше, и оно было связано в его памяти с Гостюрмой – вот как часто он сюда приходил в последнее время. И хотя сам он не мог связать какое-либо имя с увиденным лицом, он был совершенно уверен, что тот человек вспомнил его имя: адвокат с сомнительной репутацией, который время от времени фигурирует в газетах в связи с таким же сомнительными делами. Возможно, тот человек, как и другие сотрудники тюрьмы, задумывается, что так часто делает этот адвокат у черного входа в Гостюрму. И то, что они могли услышать, как он упоминает Нестора, вряд ли упрощало ситуацию...

Они прошли через все двери и добрались до лестницы на второй этаж.

Нестор сказал, что признание им необходимо получить сегодня. Если расследование в отношении Ингве Морсанда не будет немедленно прекращено, то скоро откроются вещи, которые сделают признание Сонни менее достоверным. Откуда у Нестора такие сведения, Харнес не знал, да и не хотел знать.

Кабинет начальника тюрьмы был, естественно, самым большим в здании, но зато из кабинета помощника начальника открывался вид на мечеть и район Экебергосен. Кабинет располагался в конце коридора и был украшен безобразными картинами молодой художницы, известной своей любовью к изображению цветов и рассказами о собственном либидо во всех газетах.

Франк нажал на клавишу пульта и приказал привести заключенного из камеры 317 в свой кабинет.

– Миллион двести, – сказал он.

– Готов поклясться, что половину суммы стоит значок «Порше» на капоте, – ответил Харнес.

– А вторая половина точно идет государству в качестве всевозможных пошлин. И в этом случае я говорю о государстве с маленькой буквы.

Франк вздохнул и уселся в офисное кресло с удивительно высокой спинкой. Трон, подумал Харнес.

– А знаете что? – произнес Франк. – По-моему, это неплохо. Покупатели «Порше», черт возьми, обязаны делать свой взнос в общую кассу.

В дверь постучали.

– Да! – прокричал Франк.

Вошел надзиратель с фуражкой под мышкой и нехотя отсалютовал. Харнес иногда задумывался, как Франку удалось заставить подчиненных использовать военные приветственные ритуалы на современном предприятии. И какие другие правила им пришлось принять.

– Ну, Голдсруд?

– Я собираюсь домой, но сначала решил выяснить, есть ли у вас вопросы по рапорту о дежурстве ночной смены.

– Я до него еще не дошел. Там что-то важное? Ты ведь не просто так зашел.

– Не очень важное, но попытка бегства. Если это можно так назвать.

Франк сложил ладони и улыбнулся:

– Меня радует, что заключенные проявляют инициативу и желание внести свою лепту в общее дело. Кто и как?

– Йоханнес Халден из камеры двести...

– Двести тридцать восемь. Старик? Что, правда?

– Он где-то раздобыл подобие пистолета. Вот как начудил. Я просто хотел сказать, что все было не так драматично, как может показаться из рапорта. Если вы хотите услышать мое мнение, то мягкого наказания будет вполне достаточно. Он много лет прекрасно работал у нас и...

– Потратить время на то, чтобы завоевать доверие человека, если ты собираешься застать его врасплох, – умно. Может быть, он именно так и поступил?

– Ну...

– Ты хочешь сказать, что позволил обмануть себя, Голдсруд? И куда он добрался?

Харнес немного сочувствовал надзирателю, который провел указательным пальцем по вспотевшей верхней губе. Он всегда немного сочувствовал людям, у которых дело было плохо. Он легко мог представить себя на их месте.

– До шлюза. Но несмотря на то, что у него был пистолет, реальной опасности, что он пройдет мимо охраны, не существовало. На будке охранников пуленепробиваемое стекло и бойницы, и...

– Спасибо за информацию, но, вообще-то, я сам рисовал проект этой тюрьмы, Голдсруд. И я понимаю, что ты испытываешь слабость к этому типу, с которым, я боюсь, ты слишком часто фамильярничал. Я больше ничего не скажу, пока не прочитаю рапорт, но подготовь свою смену к тому, что у меня будут серьезные вопросы. Что касается Халдена, то мы не можем быть мягкими. Наши клиенты готовы воспользоваться любым проявлением слабости. Понятно?

– Понятно.

Зазвонил телефон.

– Свободен, – сказал Франк, поднимая трубку.

Харнес ожидал увидеть еще один военный салют и разворот кругом, но Голдсруд вышел из кабинета как гражданский. Адвокат смотрел ему вслед. Он вздрогнул, когда Арильд Франк заорал:

– Как это «его там нет», черт тебя побери?

Франк в упор смотрел на убранную койку в камере 317. Перед койкой стояла пара сандалий. На тумбочке лежала Библия, на письменном столе – нераспакованный одноразовый шприц, на стуле – белая рубашка. Вот и все. Но надзиратель за спиной Франка повторил свое совершенно излишнее наблюдение:

– Его здесь нет.

Франк посмотрел на часы. До открытия дверей камер оставалось еще четырнадцать минут, следовательно, заключенный не мог находиться в одном из общих помещений.

– Вероятно, он выбрался из камеры, когда Йоханнес открыл сегодня ночью все двери из контрольного помещения, – прозвучал голос Голдсруда, возникшего в дверном проеме.

– О господи, – прошептал Харнес и по старой привычке схватил пальцами переносицу в том месте, где до того, как в прошлом году он потратил пятнадцать тысяч крон наличными на лазерную коррекцию зрения в Таиланде, находились очки. – Если он сбежал...

– Заткнись, – сказал Франк. – Он не мог пройти мимо будки охраны. Он все еще где-то здесь. Голдсруд, врубай тревогу. Запереть все двери, никого не впускать и не выпускать.

– Ладно, но мои дети собираются на...

– Ты тоже остаешься здесь.

– А что с полицией? – спросил один из надзирателей. – Разве им не надо сообщить?

– Нет! – закричал Франк. – Лофтхус все еще в Гостюрме, я сказал! Никому ни слова.

Арильд Франк смотрел на старика сверху вниз. Он запер за собой дверь, позаботившись о том, чтобы с другой ее стороны не было надзирателей.

– Где Сонни?

Йоханнес лежал на койке, потирая заспанные глаза.

– Разве он не у себя в камере?

– Ты, чтоб тебя, прекрасно знаешь, что нет.

– Тогда, значит, он сбежал.

Франк наклонился, схватил старика за футболку и притянул его к себе.

– Сотри с лица ухмылочку, Халден. Я знаю, что охранник в будке никого не видел, так что он *должен* быть здесь. И если ты не расскажешь мне, где именно, можешь забыть о лечении рака. – Франк заметил, что озадачил старика. – Да, я знаю, что врачи должны хранить врачебную тайну, но у меня везде есть глаза и уши. Ну?

Он отпустил Йоханнеса, и тот плюхнулся обратно на подушку. Старик пригладил свои редкие волосы и сложил руки за головой. Он откашлялся:

– Знаешь что, начальник? На самом деле я думаю, что уже достаточно пожил. На воле меня ничего не ждет. Мои грехи отпущены, так что у меня, возможно, впервые появился шанс попасть на небеса. И может быть, мне стоит воспользоваться этим шансом, пока он не пропал, как думаешь?

Арильд Франк сжал зубы так сильно, что казалось, десны разорвутся.

– Я думаю, Халден, ты узнаешь, что ни один вонючий грех из всех твоих грехов не отпущен. Потому что здесь Бог – это я, и я могу пообещать тебе долгую и мучительную смерть от рака. Я сделаю так, что ты будешь лежать и подышать в этой камере без всяких болеутоляющих. И ты будешь не первым.

– Лучше так, чем попасть в тот ад, куда угодишь ты, начальник.

Франк не понял, что за булькающие звуки раздались из горла старика: предсмертные хрипы или смех.

По дороге обратно в 317-ю камеру Франк поговорил по рации. По-прежнему никаких следов Сонни Лофтхуса. Он знал, что до того, как придется объявить его в розыск, у них осталось всего несколько минут.

Он вошел в 317-ю, опустился на койку и начал заново осматривать пол, стены и потолок. Невозможно, черт бы его побрал, невозможно! Он схватил с тумбочки Библию и швырнул ее в стену. Книга упала и раскрылась. Франк знал, что Воллан использовал Библию для проноса героя в тюрьму. Перед ним предстали изрезанные страницы с разбитыми символами веры и неполными предложениями, утратившими смысл.

Он выругался, схватил подушку и запустил ее в стену.

Подушка упала на пол, и он увидел выпавшие из нее волосы. Короткие рыжеватые волосы, возможно, из бороды, и длинные пряди. Он пнул подушку. Из нее вылетели спутанные пучки грязных белокурых волос.

Коротко стриженный. Гладко выбритый.

До Франка начало доходить.

– Ночная смена! – заорал он в рацию. – Проверьте всех надзирателей, сменившихся после ночного дежурства!

Франк посмотрел на часы. Десять минут девятого. Он знал, что произошло. И он знал, что предпринимать что-либо поздно. Он поднялся и толкнул стул с такой силой, что разбил зеркало у двери.

Водитель автобуса разглядывал стоящего перед ним тюремного надзирателя, который в растерянности смотрел на билет и пятьдесят крон сдачи со ста. Он знал, что парень – тюремный надзиратель, потому что под расстегнутым длинным пальто на нем была форма, а на форму даже было приколото удостоверение на фамилию Сёренсен с фотографией, совсем не похожей на парня.

– Давно на автобусе не ездили? – спросил водитель.

Парень кивнул коротко стриженной головой.

– Поездка обойдется всего в двадцать шесть крон, если заранее купить карточку, – сказал водитель.

Он заметил, что и эта цена показалась парню довольно высокой. Так обычно реагировали люди, несколько лет не пользовавшиеся автобусами в Осло.

– Спасибо за помощь, – ответил парень.

Водитель автобуса отъехал от тротуара, рассматривая в зеркало спину тюремного надзирателя. Он не знал, почему делает это. Может, что-то с его голосом, таким теплым и сердечным, словно он действительно благодарил от всего сердца. Водитель увидел, как надзиратель сел и стал удивленно смотреть в окно, совсем как иностранные туристы, которые время от времени по ошибке садились в его автобус. Он увидел, как надзиратель вынимает из кармана связку ключей и изучает их, будто видит в первый раз, как достает из другого кармана упаковку жевательной резинки.

А потом ему пришлось сосредоточиться на движении впереди по ходу автобуса.

Часть II

Глава 12

Арильд Франк стоял у окна в своем кабинете. Он посмотрел на часы. Большинство беглецов вылавливают в течение первых двенадцати часов с момента побега. Журналистам он сказал, что их ловят в течение первых двадцати четырех часов, чтобы работу сотрудников тюрьмы сочли оперативной, даже если бы она заняла больше двенадцати часов. Но вот пошел уже двадцать пятый час, а у них по-прежнему не было никаких следов.

Он только что вернулся из большого кабинета, из окон которого не было вида. И человек с окном без вида потребовал объяснений. Начальник тюрьмы был в плохом расположении духа, поскольку ему пришлось вернуться в Осло из Рейкьявика, с ежегодной Конференции исполнительных учреждений северных стран. За день до этого он сказал по телефону из Исландии, что свяжется с прессой. Начальнику нравилось общаться с прессой. Франк попросил у него одни сутки, чтобы взять Лофтхуса без шума, но начальник отказал ему в категоричной форме и сказал, что это дело они не могут хранить в тайне. Во-первых, Лофтхус был убийцей и надо предупредить людей. Во-вторых, его фотографию надо разместить в газетах, чтобы получить помощь в его поимке.

«А в-третьих, надо разместить твой портрет, – подумал Франк. – И твои приятели-политики увидят, что ты работаешь, а не только купаешься в голубой лагуне и пьешь „черную смерть“»⁶.

Франк пытался объяснить начальнику, что фотографии в газетах вряд ли сильно помогут: имевшиеся в их распоряжении изображения Сонни Лофтхуса были сделаны двенадцать лет назад при его поступлении в тюрьму, а у него уже тогда были борода и длинные волосы. А изображения с камер слежения, на которых он без волос, были такими размытыми, что не могли использоваться. Но начальник все же настоял на том, чтобы втоптать имя Гостюрьмы в грязь.

– За ним охотится полиция, Арильд, и ты ведь понимаешь, что через несколько часов мне позвонит какой-нибудь журналист и спросит, почему об этом не было официального сообщения и сколько вообще побегов Гостюрьме удалось утаить. В таких ситуациях мне нравится быть тем, кто оплачивает телефонные счета, Арильд.

Сегодня начальник тюрьмы поинтересовался мнением Франка о том, какие улучшения требуется внести в тюремный распорядок. И Франк знал почему: он сможет отправиться к своим политикам и представить им идеи помощника начальника тюрьмы, выдав их за свои. Идеи человека с видом из окна. И все же он отдал их бройлеру. Идеи. Например, распознаватель голоса вместо отпечатков пальцев и приваренный браслет на ноге с передающими сигнал чипами, которые невозможно уничтожить. В конце концов, существовали вещи, которые были ему дороже собственной шкуры. Государство было одной из таких вещей.

Арильд Франк посмотрел на Экебергосен, купающийся в лучах утреннего солнца. Когда-то это место было солнечной стороной рабочего района. Когда-то он мечтал накопить денег и купить себе здесь маленький домик. Теперь у него был большой дом в более дорогом районе. Но он все так же мечтал о маленьком домике.

Нестор воспринял сообщение о побеге с очевидным самообладанием. У людей, которые беспокоили Франка, выдержки тоже хватало. Он подозревал, что они были полностью выдержаны, когда принимали решения, которые, с одной стороны, казались такими ужасными, что в его жилах стыла кровь, а с другой – обладали такой простой, ясной и практичной логикой, что Арильду Франку не оставалось ничего иного, кроме как восхищаться ими.

– Найдите его, – сказал Нестор. – Или позаботьтесь о том, чтобы его никто не нашел.

⁶ Исландский национальный алкогольный напиток.

Если они найдут Лофтхуса, то смогут уговорить его сознаться в убийстве госпожи Морсанд, прежде чем его отыщут другие. У них свои методы. Если же они, наоборот, лишат его жизни, он не сможет объяснить наличие улики против него на месте преступления в доме Морсандов. Но тогда его нельзя будет использовать в дальнейшем. Вот как обстояли дела. Преимущества и недостатки. И в основе всего – простая логика.

– Вам звонит Симон Кефас, – раздался в коммутираторе голос Ины.

Арильд Франк машинально фыркнул.

Симон Кефас.

Вот человек, у которого нет ничего дороже собственной шкуры. Несчастный бесхребетник, сумасшедший игроман, оставивший за собой не один труп. Говорят, он изменился после встречи с женщиной, с которой сейчас живет. Но никто не знал лучше помощника начальника тюрьмы, что люди не меняются, и Франк знал о Симоне Кефасе то, что ему надо было знать.

– Скажи, что меня нет.

– Он хочет встретиться с вами сегодня вечером по поводу Пера Воллана.

Воллан? Разве они не закрыли это дело, посчитав его самоубийством? Франк тяжело вздохнул и посмотрел на газету, лежащую на письменном столе. Информация про беглеца в ней была, но, во всяком случае, не на первой странице. Возможно, потому, что в редакции не имелось хорошей фотографии сбежавшего. Эти грифы-падальщики хотят дожидаться фоторобота, на котором, как они надеются, убийца будет выглядеть в меру кровожадным. В противном случае они разочаруются.

– Арильд?

По неписаным правилам она не называла его по имени в присутствии посторонних.

– Выбери время в моем календаре, Ина. Не давай ему больше тридцати минут.

Франк задумчиво смотрел на мечеть. Скоро минует двадцать пять часов.

Ларс Гилберг подошел на шаг ближе.

Парень лежал на разобранной картонной коробке, прикрывшись длинным пальто. Он появился днем раньше и устроился за кустами, разделяющими дорожку и здания. Он просто тихо и неподвижно сидел в кустах, как будто играл в прятки с человеком, который так и не пришел. Мимо прошагали двое полицейских в форме, бросили взгляд на Гилберга, сравнили его с имевшейся у них фотографией, но не остановились.

Когда вечером начался дождь, парень вышел и улегся под мостом, не спросив разрешения. Дело не в том, что он не получил бы разрешения, но он даже не спросил. И вот еще что. На нем была форма. Ларс Гилберг не совсем разобрался, что это за форма, он демобилизовался до того, как офицеры сменили летнюю зеленую форму на другую. «Негоден» – такой была немного туманная формулировка. Иногда Ларс Гилберг задумывался, а существовало ли вообще что-нибудь, на что он был годен. И если да, то узнает ли он об этом когда-нибудь. Может быть, это: раздобыть денег на дозу, выжить под мостом.

Как сейчас.

Парень спал, дыхание его было ровным. Ларс Гилберг приблизился еще на один шаг. Что-то в походке и цвете кожи парня выдавало в нем героинщика. А значит, у него при себе могло что-нибудь быть.

Гилберг подобрался так близко, что видел, как дрожат веки молодого человека, словно глазные яблоки под ними крутятся и вертятся. Он присел на корточки, осторожно приподнял пальто и потянулся к нагрудному карману форменной рубашки.

Все произошло так быстро, что Ларс даже ничего не увидел. Рука парня крепко ухватила его запястье, и в следующее мгновение Ларс уже стоял на коленях, уткнувшись лицом во влажную землю, а рука его была выкручена назад.

Рядом с его ухом раздался шепот:

– Что тебе надо?

Это прозвучало не злобно, не агрессивно и даже не испуганно, а вежливо, как будто парень спрашивал, не может ли он чем-нибудь помочь Гилбергу. Ларс Гилберг поступил так, как обычно поступал в тех ситуациях, когда понимал, что дело проиграно, – признался, пока не стало хуже:

– Хотел украсть у тебя наркоту. И пожить деньгами.

Захват, который применил к нему парень, был хорошо известен. Кисть к предплечью, нажим на локоть сзади. Полицейский захват. Но Гилберг знал, как ходят, разговаривают, выглядят и пахнут переодетые полицейские, и парень не был одним из них.

– На чем сидишь?

– На морфии, – простонал Гилберг.

– Сколько дадут на пятьдесят крон?

– Чуть-чуть. Немного.

Захват ослаб, и Гилберг быстро отдернул руку.

Он поднял глаза на молодого человека и на купюру, которую тот держал перед его носом.

– Прости, но это все, что у меня есть.

– Слушай, я ничего не продаю.

– Это тебе. Я завязал.

Гилберг зажмурил один глаз. Как это говорится? Если это слишком хорошо для того, чтобы быть правдой, значит это неправда. Но с другой стороны, может быть, парень просто чокнутый. Он схватил пятидесятикрупную банкноту и засунул ее в карман со словами:

– За аренду спального места.

– Я видел, как здесь вчера расхаживала полиция, – произнес парень. – Это обычное дело?

– Случается, но в последнее время их тут вьется целая туча.

– А ты не знаешь такого места, где... нет целой тучи?

Гилберг склонил голову набок, изучая собеседника.

– Если вообще не хочешь встречаться с копами, то, конечно, надо попросить комнату в пансионе. В «Иле». Туда их не пускают.

Парень задумчиво посмотрел на реку и кивнул:

– Спасибо за помощь, друг мой.

– Да не за что, – обескураженно пробормотал Гилберг.

Точно чокнутый.

И в подтверждение его мыслей парень начал раздеваться. На всякий случай Гилберг отступил на пару шагов назад. Стоя в одних трусах, парень сложил форму и рубашку и обернул ими ботинки. Он попросил у Гилберга полиэтиленовый пакет и убрал в него одежду и обувь. Пакет был помещен под камень в кустах, где он провел вчерашний день.

– Я буду охранять, никто не найдет, – сказал Гилберг.

– Спасибо, полагаюсь на тебя.

Молодой человек, улыбаясь, застегнул пальто до самой шеи, чтобы не было видно голой груди.

Потом он пошел по дорожке. Гилберг смотрел ему вслед, наблюдая, как голые подошвы разбрызгивают воду из луж на асфальте.

«Полагаюсь на тебя»?

На всю голову чокнутый!

Марта стояла в приемной и просматривала на экране компьютера картинки с камер слежения общежития «Ила». Вернее, она разглядывала мужчину, пялившегося прямо в камеру у входной двери. Он еще не нажал кнопку звонка, еще не обнаружил маленькую дырочку в пластмассовой панели, закрывающей звонок. Пластик пришлось установить из-за относи-

тельно обычной реакции их клиентов на отказ открыть дверь: они начинали молотить по звонку кулаками. Марта включила переговорное устройство:

– Что вам угодно?

Парень не ответил. Марта уже давно поняла, что он не был одним из семидесяти шести постояльцев. Несмотря на то что за последние четыре месяца у них сменилось сто жильцов, она помнила каждого из них в лицо. В то же время она поняла, что он принадлежит к так называемой целевой группе «Илы» – к мужчинам-наркоманам. И не то чтобы он не выглядел чистым, на самом деле он именно таким и выглядел. Дело было в худобе его лица. В морщинках у рта. В жалкой стрижке. Она вздохнула:

– Комнату ищите?

Парень кивнул, и Марта повернула на панели ключ, открывая дверь этажом ниже. Она позвала Стине, которая готовила на кухне бутерброды для одного из постояльцев, и попросила ее присмотреть за приемной. Потом она побежала вниз по лестнице мимо железных ворот, которые можно было запереть из приемной в случае, если во входные двери прорвется нежелательный посетитель. Парень стоял в дверях. Его пальто, доходившее до щиколоток, было застегнуто до самого подбородка. Он был босым, и она разглядела кровь на одном из влажных следов у двери. Но Марта привыкла почти ко всему, поэтому внимание ее прежде всего привлек взгляд молодого человека. Он *видел* ее. Она не могла объяснить это по-другому. Его взгляд был нацелен прямо на Марту, и этот взгляд свидетельствовал о том, что он обрабатывает зрительные впечатления от увиденного, то есть от нее. Не так уж и серьезно, но такое в общезнании «Ила» было непривычно. У Марты промелькнула мысль, что, возможно, парень все-таки не наркоман, но она быстро отмела эту идею.

– Привет. Пошли со мной.

Он проследовал за ней на второй этаж, в комнату для встреч напротив приемной. Марта, как всегда, оставила дверь открытой, чтобы Стине и другие могли их видеть, попросила парня присесть и достала бумаги, которые требовалось заполнить во время собеседования с новым постояльцем.

– Имя? – спросила она.

Он помедлил.

– Мне нужно вписать в этот бланк какое-нибудь имя, понимаете, – сказала она, предоставив ему возможность, которая требовалась многим приходившим сюда.

– Стиг, – произнес он неуверенно.

– Прекрасно, Стиг, – ответила она. – А дальше?

– Бергер?

– Так и запишем. Дата рождения?

Он назвал дату и год, и она быстро высчитала, что ему исполнилось тридцать. Выглядел он моложе. Вот что удивительно у наркоманов: в отношении их возраста очень легко ошибиться, причем в любую сторону.

– Кто-то порекомендовал вам обратиться сюда?

Он отрицательно покачал головой.

– Где вы провели прошлую ночь?

– Под каким-то мостом.

– Я так понимаю, что в таком случае у вас нет адреса постоянного проживания и вы не знаете, к какому филиалу Управления социальной защиты вы относитесь. Я использую цифру одиннадцать из вашего дня рождения, что дает нам... – Она просмотрела список. – Отделение в Алне, которое, будем надеяться, из милосердия заплатит за вас. Какие наркотики вы употребляете?

Она держала ручку наготове, но он не отвечал.

– Назовите ваш любимый.

– Я завязал.

Марта отложила ручку.

– Мы принимаем в «Илу» только активных наркоманов. Я могу позвонить и выяснить, не найдется ли для вас места в пансионе на улице Спурьвейсгата. Там уж точно получше, чем здесь.

– Вы хотите сказать...

– Да, я хочу сказать, что вы *должны* регулярно употреблять наркотики, если хотите здесь жить. – Она устало улыбнулась ему.

– А если я скажу, что соврал, так как подумал, что мне будет легче получить здесь комнату, если я притворюсь завязавшим?

– Вот вы и нашли правильный ответ на этот вопрос, но больше подсказок у вас не осталось, дружище.

– Героин, – сказал он.

– И?

– Только героин.

Марта поставила крестик в бланке, усомнившись в правдивости его слов. Вряд ли в городе Осло остался хоть один чистый героинщик, все употребляли разные смеси по той простой причине, что если смешать уличный героин с уже добавленными в него примесями с бензодиазепином, например с рогипнолом, то за свои деньги можно получить более глубокий и более далекий транс.

– Цель вашего пребывания здесь?

Он пожал плечами:

– Крыша над головой.

– Болезни или важные лекарства?

– Нет.

– Есть ли у вас планы на будущее?

Он посмотрел на нее. Отец Марты Лиан любил повторять, что прошлое человека заключено в его взгляде и что его можно научиться читать. Но это не относится к будущему. О будущем мы не знаем ничего. И все же, оглядываясь на этот момент, Марта будет спрашивать себя, могла ли она, должна ли она была прочитать что-нибудь о планах так называемого Стига Бергера на будущее.

Он покачал головой. Таким же образом он ответил на ее вопросы о работе, образовании, прошлых передозировках, соматических болезнях, заражении крови и психических проблемах. В конце собеседования она объяснила ему, что они связаны подпиской о неразглашении и никому не расскажут, что он у них остановился, но если он захочет, то может заполнить заявление с указанием имен лиц, которым, в случае обращения в пансион, может быть предоставлена информация о нем.

– И тогда, например, ваши родители, друзья или девушка смогут с вами связаться.

Он мягко улыбнулся:

– У меня никого нет.

Марта Лиан часто слышала такой ответ. Настолько часто, что он перестал производить на нее впечатление. Ее психолог называл это *compassion fatigue*, «синдром выгорания», и утверждал, что рано или поздно он наступает у всех людей со сходными профессиями. Но Марту беспокоило, что синдром не проходил. Конечно, она понимала, что существуют границы того, насколько циничным может быть человек, обеспокоенный собственным цинизмом, но, несмотря ни на что, ею всегда двигало именно это: сопереживание. Сочувствие. Любовь. Но скоро у нее наступит полное опустошение. Поэтому она испугалась, почувствовав, что слова «у меня никого нет» попали в цель, как иголка попадает в болевую точку и заставляет сокращаться давно не работавшую мышцу.

Марта сложила бумаги в папку, оставила ее в приемной и повела нового постояльца вниз, на маленький склад одежды на первом этаже.

– Я надеюсь, вы не из тех параноиков, что не могут носить одежду, которую до этого носили другие, – сказала она, повернувшись к нему спиной, чтобы он смог снять пальто и надеть подобранную ею одежду.

Она дождалась, пока он покашляет, и повернулась. В голубом свитере и джинсах он по какой-то причине выглядел выше и стройнее. И не был таким тощим, каким казался в пальто. Он посмотрел вниз, на простые синие кроссовки.

– Да, – сказала Марта. – Кроссовки бродяги.

В 1980-е годы крупные партии кроссовок со складов Министерства обороны были розданы различным благотворительным организациям, и они превратились в отличительную примету наркоманов и бездомных.

– Спасибо, – тихо произнес он.

Именно по этой причине Марта впервые обратилась к психологу – когда постоялец не сказал «спасибо». Один не поблагодаривший из целой череды не благодаривших разрушителей собственной личности, влачивших какое-никакое существование благодаря государству благоденствия и социальным институтам, которые они ругали большую часть своей трезвой жизни. У нее случился приступ ярости. Она велела этому неблагодарному убираться к чертовой матери, если его не устраивает толщина иглы одноразового шприца, который он получил бесплатно, и идти в свою комнату, за которую социальные службы платят шесть тысяч в месяц и где он сможет вколоть себе наркотик, купленный на деньги от продажи украденных по соседству велосипедов. Он написал на Марту жалобу и приложил к ней описание своих страданий на четырех листах. Ей пришлось извиняться перед ним.

– Пошли найдем твою комнату, – сказала она.

По дороге наверх, на третий этаж, она показала ему душевые и туалеты. Мимо них рысцой пробегали мужчины с одурманенными глазами.

– Добро пожаловать в лучший магазин наркотиков в Осло, – сказала Марта.

– Здесь? – спросил молодой человек. – Здесь разрешено торговать?

– Правилами пансиона запрещено, но, если ты употребляешь наркотики, тебе надо их где-то хранить. Я рассказываю тебе все это, только чтобы ты знал: нам безразлично, сколько ты хранишь у себя в комнате – грамм или килограмм. Мы не контролируем торговлю в комнатах. Мы входим, только если подозреваем, что в комнате есть оружие.

– А что, бывает?

Она бросила на него взгляд:

– Почему ты об этом спрашиваешь?

– Просто хочу знать, насколько здесь опасно.

– У всех живущих здесь дилеров есть мальчики на побегушках, которые занимаются выбиванием долгов у других постояльцев. И для этого они пользуются всем – от бейсбольных бит до обычного стрелкового оружия. На прошлой неделе я убирала одну комнату и нашла под кроватью гарпун.

– Гарпун?

– Ага. Заряженный «Стинг шестьдесят пять».

Она удивилась собственному смеху, и он улыбнулся ей в ответ. У него была хорошая улыбка. У многих из них тоже была очень хорошая улыбка.

Марта отперла дверь в комнату 323.

– Мы закрыли несколько комнат, пострадавших от пожара, поэтому нашим постояльцам приходится жить по двое, пока мы не сделаем ремонт. Твоего товарища по комнате зовут Йонни, другие жильцы зовут его Йонни Пума. Он страдает синдромом хронической усталости

и проводит большую часть дня в постели. Но он тихий и спокойный, у тебя не должно возникнуть проблем с ним.

Она открыла дверь. Шторы на окнах были задернуты, в помещении стояла темнота. Марта включила свет. Световые трубки на потолке мигнули пару раз, перед тем как зажечься.

– Здесь прекрасно, – сказал парень.

Марта осмотрела комнату. Она никогда не слышала, чтобы кто-то всерьез назвал комнату в «Иле» прекрасной. Но парень был в чем-то прав. Конечно, линолеум поблек, а щербатые стены небесно-голубого цвета исписаны и изрисованы так, что даже щелоком не оттереть, однако здесь было в общем-то чисто и светло. Меблировка состояла из койки, комода и низкого исцарапанного и облезлого стола, но мебель была цела и отвечала потребностям. Здесь пахло мужчиной, спавшим на нижнем ярусе кровати. Парень сообщил, что у него не было передозировок, и она дала ему верхнюю койку. На нижние ярусы они старались помещать тех, кто с наибольшей вероятностью получит передозировку, потому что с нижней койки их легче переносить в бессознательном состоянии на носилки.

– Ну вот, – сказала Марта, протягивая ему связку ключей. – Я буду твоим контактным лицом, а значит, если что-то случится, связывайся со мной. Хорошо?

– Спасибо, – ответил он, взял связку с синим пластмассовым брелоком и стал ее разглядывать. – Большое спасибо.

Глава 13

– Он спускается! – прокричала сотрудница приемной Симону и Кари, сидевшим на кожаном диване под гигантской картиной, на которой, вполне вероятно, был изображен восход.

– Она говорила это уже десять минут назад, – прошептала Кари.

– Бог решает, что за время на небесах, – произнес Симон, засовывая пакетик табака под верхнюю губу. – Как думаешь, сколько стоит такая картина? И почему здесь именно она?

– Закупка так называемых декоративных элементов для общественных зданий является скрытым субсидированием плодящихся в нашей стране художников средних способностей, – сказала Кари. – Покупателям обычно все равно, что висит на стенах, лишь бы гармонировало с мебелью и вписывалось в бюджетные рамки.

Симон взглянул на нее:

– Тебе когда-нибудь говорили, что иногда кажется, будто ты изъясняешься цитатами, которые специально выучила наизусть?

Кари криво улыбнулась:

– А жевательный табак – плохая замена курения. Опасная для здоровья. Подозреваю, что это жена заставила вас перейти на жевательный табак, поскольку табачный дым пропитал всю ее одежду?

Симон рассмеялся, покачивая головой. Наверное, это такой молодежный юмор, непонятный ему.

– Неплохая попытка, но нет. Она попросила меня прекратить курить, потому что хотела, чтобы я провел с ней как можно больше лет. И она не знает, что я жую табак: я храню коробочки на работе.

– Впусти их, Анне, – произнес громкий голос.

Симон посмотрел на шлюз, где мужчина в форме и форменной фуражке, которая очень бы понравилась белорусскому президенту, стоял и барабанил пальцами по металлическим дверям.

Симон поднялся.

– Посмотрим, выпустим ли мы их обратно, – сказал Арильд Франк.

По тому, как сотрудница приемной слегка закатила глаза, Симон понял, что эта шутка далеко не новая.

– Ну, что чувствуешь, вернувшись в сточную канаву? – спросил Франк, ведя их через шлюз к лестнице. – Ты ведь из Экокрима. О господи, да я совсем ополоумел. Забыл, что тебя поперли с работы.

Симон даже не попытался рассмеяться в ответ на это очевидное оскорбление.

– Мы здесь из-за Пера Воллана.

– Слышал. Я думал, его дело закрыто.

– Мы не закрываем дела, не ответив на все вопросы.

– Появилось что-то новое?

Симон изобразил улыбку, растянув губы:

– В день своей смерти Пер Воллан приходил сюда к одному заключенному. Это так?

Франк открыл дверь в свой кабинет.

– Воллан был тюремным священником, так что я полагаю, он делал свою работу. Могу проверить журнал посещений, если хотите.

– Спасибо, было бы замечательно. И нельзя ли уточнить, с кем именно он разговаривал?

– К сожалению, у меня нет сведений о том, с кем и когда он говорил.

– Нам известно как минимум об одном человеке, с которым он разговаривал в тот день, – вмешалась Кари.

– Вот как? – сказал Франк, усаживаясь за письменный стол, с которым не расставался все годы своей карьеры. Зачем разбазаривать государственные деньги? – Дамочка, может, пока я проверяю журнал, вы достанете из того шкафа кофейные чашки? Конечно, если вы намерены задержаться.

– Спасибо, я не употребляю кофеин, – отрезала Кари. – Его зовут Сонни Лофтхус. Франк невыразительно посмотрел на нее.

– Мы хотели спросить, нельзя ли его повидать, – сказал Симон и, без приглашения усевшись на стул, поднял глаза на покрасневшее лицо Франка. – Ой, я совсем ополоумел. Он ведь сбежал.

Франк попытался состряпать ответ, но Симон опередил его:

– Мы интересуемся этим, поскольку связь между тем посещением и побегом делает смерть священника еще более подозрительной.

Франк потянул воротничок рубашки:

– Откуда вы знаете, что они встречались?

– Все допросы в полиции заносятся в общую базу данных, – сказала Кари, продолжая стоять. – Когда я искала Пера Воллана, я заметила, что его имя упоминается в протоколе допроса по поводу побега. Допрашивали заключенного по имени Густав Ровер.

– Ровера только что выпустили на волю. Его допрашивали, потому что он встречался с Сонни Лофтхусом накануне побега. Мы хотели узнать, не говорил ли Лофтхус чего-нибудь, что могло бы навести нас на мысли о том, куда он собирался.

– Мы? Нас? – Симон приподнял седую бровь. – Ловить беглецов – работа исключительно полиции, а не ваша.

– Лофтхус – мой пленник, Кефас.

– Ясно, что Ровер не смог вам помочь, – произнес Симон. – Но на допросе он сказал, что, когда он выходил из камеры, в нее вошел Пер Воллан, чтобы побеседовать с Лофтхусом.

Франк пожал плечами:

– И что?

– И нам интересно, о чем эти двое разговаривали. И почему сразу после разговора одного из них убили, а второй сбежал.

– Это может быть случайным совпадением.

– Конечно. Ты знаешь Хуго Нестора, Франк? Его еще называют Украинцем.

– Слышал имя.

– Слышал, значит. Есть ли что-либо, указывающее на возможную причастность Нестора к этому побегу?

– Что ты хочешь сказать?

– Ну, либо он помог Лофтхусу выбраться, либо угрожал ему в тюрьме и тому пришлось бежать отсюда.

Франк постукивал ручкой по столу. Казалось, он размышляет.

Краем глаза Симон заметил, что Кари проверяет сообщения на своем телефоне.

– Я знаю, как вам нужен успех, но, к сожалению, думаю, такая крупная рыба здесь вам не светит, – произнес Франк. – Сонни Лофтхус сбежал без посторонней помощи.

– Ух ты, – сказал Симон, откидываясь на стуле и соединяя кончики пальцев. – Наркоман-любитель, мальчишка, бежит из самой Гостюрьмы совсем без всякой помощи?

Франк улыбнулся:

– А ты готов поспорить, что он любитель, Кефас? – Улыбка на его лице стала шире, когда ответа не последовало. – Ой, я совсем ополоумел – забыл, что ты больше не споришь. В любом случае, могу показать вам вашего *любителя*.

– Это записи с камер наблюдения, – сказал Франк, указывая на 24-дюймовый монитор. – В эту минуту все надзиратели лежат носом вниз в контрольном помещении, а Халден уже открыл в тюрьме все двери.

Монитор был разделен на шестнадцать ячеек, в каждую поступала картинка от своей камеры, следившей за разными частями тюрьмы, а внизу монитора шли часы.

– Вот и он, – сказал Франк, указывая на одну из ячеек, где был виден тюремный коридор.

Симон и Кари увидели, как из камеры выходит человек и на негнущихся ногах бежит к камере. На нем была большая белая рубашка, доходившая почти до колен, и Симон увидел, что его прическа еще хуже, чем у самого Симона: казалось, его волосы просто выдраны.

Парень исчез из ячейки. И появился в другой.

– Лофтхус в шлюзе, – пояснил Франк. – А в это время Халден произносит речь о том, что он сделает с семьями надзирателей, если они попытаются его остановить. Но вот интересный момент, это происходит в раздевалке надзирателей.

Они увидели, как Лофтхус забежал в помещение с гардеробными шкафчиками, но вместо того, чтобы направиться прямо к следующей двери, свернул налево и скрылся за последним рядом шкафчиков. Франк возбужденно ударил пальцем по клавиатуре, и часы внизу экрана остановились.

– А сейчас Лофтхус взламывает шкафчик Сёренсена, одного из наших надзирателей, который сейчас на больничном. Он переодевается и проводит остаток ночи в этом шкафчике. Когда наступает утро, он выбирается наружу и поджидает остальных.

Франк навел курсор на часы и набрал 07.20. После этого он включил изображение, ускорив его в четыре раза. В ячейках начали появляться мужчины в форме. Они, шаркая, входили и выходили из раздевалки, входная дверь без конца открывалась и закрывалась. Невозможно было различить их, пока Франк еще одним ударом по клавиатуре не остановил изображение.

– Вот он, – сказала Кари. – Мужчина в форме и пальто.

– В форме и пальто Сёренсена, – произнес Франк. – Должно быть, он выбрался из шкафчика до прихода остальных, переоделся и стал ждать: сидел на скамейке, опустив голову, и делал вид, что завязывает шнурки или что-то там еще, пока остальные ходили туда-сюда. У нас такая текучка кадров, что никто не обратил внимания на медленно переодевающегося парня. Он дождался, когда утренняя суета достигла апогея, и вышел. И никто не узнал Сонни без бороды и волос, которые он откромсал у себя в камере и запихнул в подушку. Даже я...

Очередным нажатием клавиши он вновь запустил изображение, на этот раз с нормальной скоростью. В ячейке было видно, как Лофтхус в пальто и форме выходит из двери, в то время как Арильд Франк и мужчина в сером костюме с зализанными назад волосами заходят внутрь.

– И его не остановили охранники из будки на выезде?

Франк указал на ячейку в нижнем правом углу экрана:

– Это камера в будке. Как видите, мы позволяем автомобилям и людям проходить мимо, не предъявляя документов. Если бы мы применяли обычные правила прохода во время пересменки, у нас собрались бы огромные очереди. Но с этого момента мы будем проверять всех, кто выходит из тюрьмы, в том числе и во время пересменки.

– Да, желающих пробраться внутрь будет не много, – сказал Симон.

В наступившей следом тишине они услышали, как Кари подавила зевоту, вызванную ответом Симона на приветственную остроту Франка.

– Вот каков ваш любитель, – произнес Франк.

Симон Кефас не ответил, изучая спину человека, проходящего мимо будки. Он отметил походку. Он узнал эту походку.

Марта стояла со сложенными на груди руками и рассматривала двух мужчин, стоявших перед ней. Они были не из отдела наркотиков, потому что она вроде бы видела почти всех его сотрудников, а этих двоих никогда раньше не встречала.

– Нам просто нужен... – сказал один из них, но остаток предложения исчез в вое сирены «скорой помощи», проехавшей мимо них по улице Вальдемара Тране.

– Что? – прокричала Марта.

Она пыталась вспомнить, где раньше видела такие черные костюмы. В рекламе?

– Сонни Лофтхус, – повторил невысокий человек.

У него были светлые волосы, а нос переломан в нескольких местах. Марта видела такие носы каждый день, но этот, по ее предположению, был искалечен во время занятий боевыми искусствами.

– Я связана подпиской о неразглашении относительно проживающих здесь, – сказала она.

Второй мужчина, высокий и плотный человек с удивительным полукругом черных кудрей на голове, показал ей фотографию:

– Он сбежал из Государственной тюрьмы и считается опасным для окружающих.

Приближалась еще одна «скорая помощь», и он наклонился и прокричал прямо ей в лицо:

– Так что если он живет здесь, у вас, а вы не рассказываете нам об этом, то вам же будет хуже, если что-нибудь случится. Понятно?

Не отдел наркотиков – это, по крайней мере, объясняло, почему она не видела их раньше. Марта кивала, разглядывая фотографию, потом снова подняла на них глаза. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но порыв ветра бросил ей в лицо темную челку. Когда она снова собралась заговорить, позади нее раздался вопль. Он шел с лестницы – это кричал Той.

– Эй, Марта, Бурре порезался! Это не я, точно. Он в кафе сидит.

– В летнее время у нас здесь большая текучка, – сказала она. – Многие наши жильцы предпочитают ночевать в парках, и тогда у нас появляются новые постояльцы. Всех лиц не упомнишь...

– Как я сказал, его зовут Сонни Лофтхус.

– ...и не каждый видит смысл в том, чтобы регистрироваться под своим настоящим именем. Мы здесь не можем надеяться, что у наших клиентов есть паспорт или удостоверение, поэтому мы довольствуемся тем именем, которое они нам назовут.

– А разве они не должны предоставлять сведения о себе в социальные службы? – спросил светловолосый.

Марта прикусила нижнюю губу.

– Эй, Марта, Бурре истекает кровью, ага!

Мужчина с венком из кудрей положил большую волосатую руку на ее голое предплечье:

– Вы можете просто позволить нам пройти по комнатам, и мы посмотрим, нет ли его здесь.

Он заметил ее взгляд и отдернул руку.

– Кстати, о документах, – сказала она. – Может быть, предъявите мне свои?

Взгляд светловолосого потух, и опять появилась рука кудрявого. На этот раз он не положил руку на предплечье Марты, а обхватил его.

– Из Бурре скоро вообще вся кровь вытечет, ага! – Той подошел к ним вплотную и остановился, раскачиваясь и разглядывая визитеров блуждающим взглядом. – Ой, а чего это тут творится?

Марта вырвала руку из захвата и положила ладонь на плечо Тоя.

– Нам надо сходить спасти ему жизнь. Если, конечно, вы можете подождать, господа хорошие.

Они направились к двери, ведущей в кафе. Мимо проехала очередная «скорая». Три «скорых». Марта непроизвольно вздрогнула.

Уже в дверях она обернулась.

Двое мужчин исчезли.

– Выходит, вы с Харнесом *видели* Сонни прямо перед собой? – спросил Симон, когда Франк провожал их с Кари на первый этаж.

Франк взглянул на часы:

– Мы *мельком* видели молодого гладковыбритого человека с короткой стрижкой и в форме. Тот Сонни, которого мы знали, носил грязную рубашку, бороду, и волосы его были вечно спутаны.

– Значит, вы считаете, Сонни с его новой внешностью будет трудно найти? – спросила Кари.

– Качество изображения камер слежения, естественно, очень низкое. – Арильд Франк повернулся и пристально посмотрел на нее. – Но мы найдем его.

– Жалко, что не удалось поговорить с этим Халденом, – сказал Симон.

– Да, как я уже говорил, его болезнь обострилась, – произнес Франк, пропуская их через шлюз в приемную. – Я сообщу, когда он будет в состоянии разговаривать.

– И у вас нет никаких соображений относительно того, о чем беглец мог разговаривать с Пером Волланом?

Франк покачал головой:

– Наверное, о томлении духа, как обычно. Хотя Сонни Лофтхус сам исцелял души.

– Вот как?

– Лофтхус самоизолировался от остальных заключенных. Он держал нейтралитет, не принадлежал ни к одной из группировок, которые всегда существуют в тюрьмах. И он не разговаривал. Разве не это определяет хорошего слушателя? Он стал для заключенных своего рода исповедником, человеком, которому они спокойно могли доверить все, что угодно. Кому бы он побежал рассказывать об их тайнах? У него не было союзников, и в обозримом будущем он не вышел бы из тюрьмы.

– За какое убийство он сидел? – спросила Кари.

– За убийство человека, – сухо ответил Франк.

– Я имела в виду...

– За жестокое убийство. Он застрелил азиатскую девушку и задушил косовского серба.

Франк придержал для них входную дверь.

– Подумать только, такой опасный преступник на свободе, – произнес Симон, осознавая, что в его высказывании прозвучал чистый, неприкрытый садизм.

Он совсем не был садистом, но для Арильда Франка сделал исключение. И не потому, что к Франку как к человеку трудно было относиться с симпатией, – с этим можно было примириться. И не потому, что он не делал свою работу: в Полицейском управлении хорошо знали, что именно Франк поддерживает порядок в Гостюрьме, а вовсе не человек, именуемый начальником тюрьмы. Дело было в другом. Сумма очевидных случайностей вызвала подозрения, вызревавшие так долго, что они уже почти превратились в самое настоящее знание, увы, бездоказательное: Арильд Франк был коррупционером.

– Я даю ему сорок восемь часов, комиссар, – сказал Франк. – У него нет денег, нет родственников и друзей. Он – одиночка, сидевший в тюрьме с восемнадцати лет. Двенадцать лет. Он ничего не знает о мире за стенами тюрьмы, ему некуда пойти и негде укрыться.

Кари почти бежала, чтобы не отстать от Симона, направлявшегося к машине. Комиссар размышлял над словами Франка о сорока восьми часах. На эту тему он бы поспорил. Потому

что кое-что в этом парне он узнал. Симон не понимал, что именно, – возможно, только походку и манеру держаться. Но вполне вероятно, что тот унаследовал нечто большее.

Глава 14

Йонни Пума повернулся на своей койке и посмотрел на нового товарища по комнате. Он понятия не имел, кто изобрел выражение «товарищ по комнате», но в «Иле» такое название было абсолютно не к месту. Гораздо правильнее было бы «враг по комнате». Ему еще не приходилось делить комнату с человеком, который не попытался бы ограбить его. И которого он сам не пытался ограбить. Поэтому все свои ценные вещи, а именно непромокаемый бумажник с тремя тысячами крон и двойной мешочек с тремя граммами амфетамина, он прилепил скотчем к внешней стороне бедра, на которой у него было так много волос, что если бы кто-нибудь начал отдирать скотч, то Йонни очнулся бы от самого глубокого сна. Потому что на протяжении последних двадцати лет жизнь Йонни Пумы состояла именно из этого: из амфетамина и сна. С 70-х годов и до наших дней ему ставили все возможные диагнозы, чтобы объяснить его желание веселиться, а не работать, драться и трахаться, а не завести семью и воспитывать детей, и одурманивать себя, а не вести до смерти скучную трезвую жизнь. Но последний диагноз был верным. МЭ. Миалгический энцефаломиелит. Хроническая усталость. Йонни Пума устал? Все, кто это слышал, хохотали. Йонни Пума, тяжелоатлет, любитель праздников, самый успешный носильщик в Лиллесанде, способный в одиночку перенести пианино. Все началось с травмы бедра, болеутоляющих, которые не действовали, и болеутоляющих, которые действовали очень хорошо. Так он втянулся. Теперь его жизнь состояла из долгих дней отдыха в постели, прерывающегося короткими периодами чрезвычайной активности, когда он направлял всю свою энергию на поиск наркотика. Или денег, чтобы выплатить достигший тревожных размеров долг наркобарону пансионата, литовцу, не до конца прооперированному трансвеститу, который называл себя Коко.

И, глядя на стоявшего у окна человека, Йонни понимал, что тот готовится к тому же. К той же вечной жуткой охоте. Стрессу. Работе.

– Занавесочки не задернешь, дружище?

Человек выполнил его просьбу, и в комнате снова воцарилась приятная темнота.

– На чем сидишь, дружище?

– На героине.

Героин? Здесь, в пансионе, они называли героин наркотиком. Дерьмом, ширевом, лошадю или дремой. Или боем. Или супербоем, если речь шла о новом чудесном порошке, который можно было купить у моста Ньюбруа у парня, похожего на сонного гнома из «Белоснежки». Героин – так говорили в тюрьме. Ну и новички, конечно. Но на самом деле, если ты по-настоящему новичок, ты бы поначалу называл героин белым китайцем, мексиканской пылью или еще какой-нибудь глупостью, услышанной в кино.

– Могу достать хороший дешевый героин, тебе даже идти никуда не придется.

Йонни заметил, что с человеком в темноте что-то произошло. Он уже и раньше видел, как наркоманы, испытывающие настоящую жажду, становились словно бы выше, только услышав обещание добыть наркотики. Наверняка проводились исследования по изучению изменений в наркотическом центре в мозгу за несколько секунд до введения наркотика в организм. На сорокапроцентный аванс за наркотики, которые он мог купить у Князя из 306-й, Йонни мог приобрести три или четыре пакетика спида для себя самого. Лучше, чем совершать налет на соседей.

– Спасибо, не надо. Если хочешь спать, я могу уйти.

Голос, доносившийся от окна, был таким тихим и мягким, что Йонни не понял, как ему удалось заглушить постоянно стоявший в «Иле» шум вечеринок, криков, музыки, торговли и уличного движения. Значит, он интересуется, хочет ли Йонни спать. Чтобы получить возможность обыскать его. И может быть, найти наркотик, который Йонни приклеил к бедру.

– Я никогда не сплю, я только закрываю глаза. Усек, дружище?

Парень кивнул:

– Я пойду.

Когда дверь за новым врагом по комнате захлопнулась, Йонни Пума встал на ноги. Обследование шкафов и верхней койки заняло у него две минуты. Ничего. Вообще ничего. Парень не мог быть совсем уж новичком, он все носил при себе.

Маркус Энгсет был напуган.

– Теперь страшно? – спросил тот из двух стоявших перед ним парней, что был покрупнее.

Маркус покачал головой и сглотнул.

– Да ты так боишься, что потеешь, жирная свинья. Эй, ну и запашок!

– Смотри, он сейчас заплачет, – подначивал второй.

Им было лет по пятнадцать, а может, и шестнадцать. Или семнадцать, Маркус не знал, он знал только, что они намного больше и старше его.

– Мы возьмем это на время, – сказал большой парень, хватая его велосипед за руль. – Ты получишь его обратно.

– Когда-нибудь, – добавил второй.

Маркус бросил взгляд на окна домов, стоявших на тихой улице. Черные слепые стеклянные поверхности. Обычно его вполне устраивало, когда его никто не видел. Он хотел быть невидимкой, чтобы незаметно проникать в калитку и пробираться к двери пустующего желтого дома. Но сейчас ему хотелось, чтобы где-нибудь распахнулось окно и взрослый человек приказал бы большим мальчишкам убираться к себе в Тосен, или Ньюдален, или какой-то другой соседний район, где обитает такая шпана. Однако на улице было совсем тихо. По-летнему тихо. Наступило время коллективных отпусков, и другие дети с улицы разъехались по летним домикам, курортам или за границам. Играм это не мешало, Маркус обычно играл один. Но быть маленьким гораздо опаснее, если тебя не окружают сверстники.

Большой мальчишка вырвал велосипед из рук Маркуса, и мальчик понял, что вот-вот расплачется. Этот велосипед мама купила ему на деньги, которые они могли бы потратить на то, чтобы съездить куда-нибудь в отпуск.

– Мой папа дома, – сказал Маркус, указывая на красный дом на другой стороне улицы, прямо напротив пустующего желтого, где он только что побывал.

– Так что же ты его не зовешь?

Большой мальчишка осторожно сел на велосипед, покачался на нем и выразил неудовольствие плохо накачанными шинами.

– Папа! – закричал Маркус и сам услышал, как жалко это прозвучало.

Мальчишки загоготали. Второй из них уселся на багажник, и Маркус увидел, что шина чуть не слетела с обода.

– Думаю, нет у тебя никакого папы, точно, – сказал второй, сплюнув на землю. – Поехали, Герман!

– Я пытаюсь, но ты не даешь мне сдвинуться.

– Да я ничего не делаю!

Все трое обернулись.

Позади велосипеда стоял человек и держал его за багажник. Потом он приподнял заднее колесо, завертевшееся в воздухе, и оба обидчика Маркуса повалились вперед. Они слезли с велосипеда и устали на человека.

– Какого черта вы делаете? – спросил тот, что был побольше.

Мужчина пристально глядел на него и молчал. Маркус отметил, что у него странные волосы, эмблема Армии спасения на футболке и раны на руках. Стояла такая тишина, что

Маркусу казалось, он слышит пение каждой птицы во всем Берге. По всей видимости, мальчишки тоже увидели руки мужчины.

– Мы просто хотели взять его покататься. – Голос большого мальчишки изменился, стал жалким и тихим.

– Но вы берите, если хотите, – поспешил добавить второй.

Мужчина продолжал пялиться на них. Он подал Маркусу знак, чтобы тот взял велосипед. Мальчишки попятились.

– Где вы живете?

– В Тосене. Э-э-э... Вы его отец?

– Возможно. Следующая остановка Тосен, да?

Мальчишки синхронно кивнули, повернулись как по команде и пошли прочь.

Маркус поднял голову и посмотрел на мужчину, который улыбался ему. У него за спиной один мальчишка тихо сказал другому:

– Ты видел, у него папаша-наркоман?

– Маркус, – сказал Маркус.

– Хорошего тебе лета, Маркус.

Мужчина отдал ему велосипед, подошел к калитке, ведущей к желтому дому, и открыл ее. Маркус затаил дыхание. Этот дом был похож на все остальные дома на улице: кубической формы, не слишком большой, с маленьким садиком. Дом не мешало покрасить, а по лужайке надо было пройти газокосилкой. Но тем не менее это был дом. А сейчас мужчина направлялся прямо к лестнице в подвал. Не к входной двери, как агенты по недвижимости и «свидетели Иеговы». Неужели он знал о ключике, спрятанном на балке над дверью в подвал, который Маркус всегда клал на место?

Ответ он получил, когда дверь в подвал скрипнула, а потом захлопнулась.

У Маркуса перехватило дух. В этом доме на его памяти никогда никого не было. Конечно, он помнил, что было, только с тех пор, как ему исполнилось лет пять, а это произошло семь лет назад, но ему казалось, что этот дом должен пустовать. Кто захочет жить в доме, где прежний жилец лишил себя жизни?

Да, кстати, один человек бывал в этом доме по меньшей мере дважды в год. Маркус видел его только один раз, но понял, что это, должно быть, тот, кто включает отопление перед зимой, а весной отключает. Наверняка этот же человек платил за электричество. Мама говорила, что без электричества дом совсем бы разрушился и в нем нельзя было бы жить, но она тоже не знала, что за человек туда ходит. Так или иначе, он был совсем не похож на мужчину, который сейчас находился внутри, в этом Маркус был совершенно уверен.

Маркус увидел лицо новоприбывшего в окне кухни. В доме не было занавесок, и Маркус, когда находился внутри, старался не приближаться к окнам, чтобы его не заметили. Непохоже, чтобы мужчина включал батареи, тогда что же он там делает? Как... Телескоп!

Маркус завез велосипед в калитку красного дома, забежал внутрь и поднялся на второй этаж, в свою комнату. Телескоп, а на самом деле обычный бинокль на штативе был единственной вещью, оставленной его отцом перед тем, как тот от них съехал. По крайней мере, так говорила мама. Маркус направил бинокль на желтый дом и навел резкость. Мужчина исчез. Мальчик стал перемещать полукружия обзора от одного окна к другому. А вот и он. В окне спальни. Там, где жил тот наркоман. Маркус обследовал каждый закуток этого дома. Даже тайник под отошедшей доской на полу в спальне с двуспальной кроватью. Но несмотря на то, что в той комнате никого не убили, он бы ни за что не согласился там жить. Прежде чем дом совсем опустел, в нем жил сын умершего. Он был наркоманом, устроил в доме полный беспорядок и никогда не убирал. И ничего не чинил – во всяком случае, потолок дома во время дождя протекал. Сын умершего исчез сразу после рождения Маркуса. Сел в тюрьму, сказала мама.

Убил кого-то. И Маркус подумал, что, может быть, дом заколдовал своих жильцов и они стали убивать то себя, то других. Маркус содрогнулся. Но на самом деле в этом доме ему нравилось именно то, что он был немного зловещим и Маркус мог сочинять истории о том, что здесь происходило. Только вот сегодня ему не надо было сочинять. Сегодня что-то происходило само по себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.